

БЕЛЫЙ ДРАКОН

Александр Логачев

РАЗРУБЛЕННОЕ НЕБО

МУЖСКОЙ
КЛУБ

«КРЫЛОВ»

Белый дракон

Александр Логачев
Разрубленное небо

«Крылов»

2008

Логачев А.

Разрубленное небо / А. Логачев — «Крылов», 2008 — (Белый дракон)

ISBN 978-5-9717-0683-0

Четыре месяца прошло с тех пор, как цирковой акробат угодил из мира смога, ревущих автомобилей и навязчивой рекламы в мир, где всего это нет. В мир, где вместо компьютера – монахи и заклинания, вместо звонков в милицию – остро заточенный меч за поясом, а вместо родных откормленных чиновников с депутатами – какие-то непонятные самураи, императоры, сиккэны и сегуны. Самурайский мир прост, суров и этим притягателен. Однако не одно умение махать мечом решает здесь, кому кем быть, кому на какой ступеньке находиться. Ум, хитрость, находчивость, – все это не менее сильное оружие. И оно тебе особенно пригодится, когда заберешься столь высоко, что попадешь в сети дворцовых интриг и антиправительственных заговоров.

ISBN 978-5-9717-0683-0

© Логачев А., 2008

© Крылов, 2008

Содержание

Пролог	5
Часть первая	12
Глава первая	12
Глава вторая	17
Глава третья	25
Глава четвертая	33
Глава пятая	40
Глава шестая	46
Глава седьмая	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Логачев

Белый дракон

Разрубленное небо

Когда Небо и Земля были единым целым, а мужское и женское начало еще не разделились, все сущее представляло собой хаотическую массу, содержащую зародыши жизни.

Затем появилось подобие ростка тростника, возникшее из хаоса, когда более легкие и чистые элементы поднялись вверх, чтобы образовать Небо, а более тяжелые осели и стали Землей. Эта загадочная форма превратилась столь же мгновенно, как и возникла, в первое божество – Кунитоко-тати, «Божество – Владыку Августейшей Середины Неба».

Затем возникли другие боги. Все они рождались по одному, пока не появилась пара божеств, Идзанаки и Идзанами, то есть Зовущий Мужчина и Зовущая Женщина. Когда они вместе стояли на плавающем мосту Неба и с любопытством смотрели на плавающую внизу Землю, старшие боги дали им украшенное драгоценными камнями коралловое копье. Они погрузили его в Океан и взбудоражили его воды. Когда они вынули копье, с его наконечника упали капли. Капли застыли и образовали острова, и на один из них спустилась божественная пара. Они установили коралловое копье в качестве центрального столба и опоры своего дома. Так была создана Япония.

Начало японской истории согласно старейшим японским хроникам «Кодзики» и «Нихонги»

Пролог

Отчего-то великие военачальники любят тишину и одиночество. История знает немало тому примеров. Видимо, чем громче лязг оружия, тем больше тянет к уединению и покою.

Нава Такаши вот тоже любил тишину и одиночество. А в том, что он великий полководец, никто в стране Ямато не сомневался. Победитель айнов, герой сражения при Обама, усмиритель мятежа Асикага и Хосокава, а также восстания икко икки, – разве этого мало?

Такаши почти безвылазно жил в родовом селении Мидзума, редко бывая при императорском дворе в Хэйан¹ и еще реже в другой столице – в Камакура. Вернее, так: ни там, ни там Такаши не показывался без необходимости.

В родовом селении он сполна обретал желанные тишину и одиночество – его дом стоял на отшибе, на берегу пруда, окруженный лесом. Не то что голоса с чужих дворов не долетали до двора Нава Такаши, но и других домов отсюда было не видно.

Одиночество военачальника Такаши разделяли лишь жена и самые верные из его самураев. Дети жили в другом доме Такаши, находившимся в самом селении, – военачальник не любил громких звуков. А где дети, там неизбежны крики и возня. Особенно же Такаши не терпел, когда что-то нарушало ночную тишину. «Ночь – только в это время ты можешь услышать шепот духов-ками, можешь говорить с ними», – любил повторять Такаши.

Короче говоря, военачальник был типичным нелюдимом...

---

¹ Хэйан-кё, что в переводе означает «Столица мира и спокойствия», – официальное название столицы Японии с 794 по 1868 год, ныне Киото. Наименование Киото в описываемое время использовалось лишь как обиходное. Артем про себя называл столицу не иначе как Киото, не ломая мозг непривычным и менее звучным «Хэйан».

...Сегодня, как и в любой другой вечер, он спустился с крыльца. Жена осталась в доме, она никогда не сопровождала мужа в его вечерних прогулках. Кроме самурая Ясуоси во дворе никого не было. Да и Ясуоси, едва хозяин покинул дом, отступил за угол – чтобы своим видом не побеспокоить хозяина, не отвлечь того от раздумий.

Такаши вышел за ограду. Ворота были открыты – их запирали только после вечерней прогулки хозяина. Он сделал несколько шагов по направлению к пруду, и ноги утонули в высокой, пригнувшейся под вечерней росой траве. Его гэта были надеты на босу ногу, он чувствовал влажное прикосновение травы, но это его нисколько не раздражало.

Поляна, похожая на сосуд для sake, «горлышком» утыкалась в пруд. Поляну обступал лес – до захода светила вполне приветливый, сейчас же по-ночному мрачный. Однако сумрак, черной смолой заливший просветы между стволами кедров и лиственниц, не вызывал у Такаши ощущения какого бы то ни было беспокойства. Наоборот – только ночью в душе военачальника воцарялась полнейшая безмятежность.

А ночь сегодня была теплая и безветренная. Ни дуновения. Листья и трава казались нарисованными – настолько были неподвижны. Нава Такаши подумал, что будет совсем неплохо, если бог луны Цукиёми и бог ветра и воды Сусаноо в эту ночь снова сойдутся в битве за владычество над страной Идзумо. От взмахов веера-тиссэн в руках Сусаноо поднимется ветер и освежит тело под кимоно, и легче станет дышать.

Но, видимо, не суждено было небесам в эту ночь увидеть битву богов. Подлунную тишину нарушали только звуки ночных птиц: уханье филина, призывные трели каких-то неугомонных птах да шорох потревоженных ветвей. А в небе, свободном от туч и облаков, висела ущербная луна.

Маслянисто-желтый свет фонарей, укрепленных на брусках ворот, отражался в каплях росы. Такаши шагнул за зыбкую границу света и тьмы. Ему предстояло пройти двести ежевечерних шагов до пруда. Там он спустится по пологому берегу к воде, некоторое время (что важно – не считая его, а опираясь лишь на внутреннее желание или нежелание оставаться дальше) проведет у воды, созерцая окружающую красоту и предаваясь размышлениям. Потом вернется в дом.

Пруд – небольшое блюдце почти идеальной круглой формы, словно не природой создан, а человеческими руками. Пруд наполняли минеральные ключи, отчего водоем был прозрачен до дна, не зарастал водорослями и в нем не водилось ничего, кроме, может быть, каких-нибудь жуков и прочих мелких водяных жителей.

Посередине водоема покачивался плот. На скрепленных между собой, притопленных в воде бревнах горели фонари. Их крохотные огоньки отбрасывали блики на воду. Красивое зрелище... Плот распорядился соорудить Такаши. Он как-то подумал, что если в естественную красоту, не нарушая ее, внести небольшое дополнение, то это должно лишь усилить воздействие красоты на душу созерцателя...

Такаши вдруг показалось, что под водой около плота проскользнуло продолговатое черное тело. Нет, почудилось, конечно. Никакой рыбы в пруду нет и взяться ей неоткуда. Разве только в водоеме не надумала поплескаться выдра. Но чуть солоноватая вода, думается, ей не понравится...

Непроизвольно ускорив шаг, Такаши быстрее обычного добрался до берега. Здесь, как обычно, к его приходу уже был подготовлен соломенный коврик и небольшой столик с бутылочкой sake на нем и деревянным стаканчиком. Военачальник взгляделся в воду, обежал взглядом блюдце прозрачной воды, но ничего необычного не увидел. Значит, рыба или выдра действительно только померещилась.

Такаши опустил на соломенный коврик, налил себе sake.

Затрещали ветки и раздался хлопок, своей неожиданностью заставивший Такаши вздрогнуть...

Крупная ночная птица вырвалась из темных зарослей и пролетела над поляной, спланировав почти к самой траве в поисках одной ей видимой добычи, и скрылась опять в чаще, но, похоже, ни с чем.

Конечно, одиночество военачальника Такаши было в некотором роде искусственным. Он знал, что его самураи сейчас находятся поблизости, оберегают своего господина, тайно приглядывая за ним из лесных зарослей. Сколько их там – двое, трое? Наверное, кто-то из них и испугнул птицу...

Стаканчик с невыпитым саке выпал из пальцев и упал в траву, когда ночную тишину разрезал, как острый клинок режет бумагу, нутряной, истошный вопль. Он доносился слева, из леса. Вопль оборвался так же внезапно, как и возник. Но вслед за ним послышался глухой вскрик справа...

– Ты слышала? – спросил Котоку.

– Да, – сказала Шито. – Это у пруда. Наверное, твой господин ругается на кого-то.

Они стояли, прижавшись друг к другу и прислонившись к необхватному мшистому стволу.

Младший самурай Котоку, конечно, понимал, что его могут наказать. Но разве велик его проступок? Если бы он стоял в охране, тогда да – тогда бы он даже в мыслях не позволил бы себе чем-то отвлечься от исполнения долга. Но сейчас, вместо того чтобы с другими младшими самураями в задней комнате расписывать друг перед другом свои подвиги в будущих сражениях, почему бы не встретиться с Шито? Разумеется, он должен был доложить о своей отлучке одному из старших самураев, но... зачем их беспокоить по пустякам? Да и не до него сейчас старшим самураям – они оберегают вечернюю прогулку господина. А вечерняя прогулка господина длится так долго, и очень многое можно успеть сделать за это время.

– Нет, – сказал Котоку. – Что-то тут не то... Снова будто кричат. У них что-то случилось. Мне надо идти. А ты иди домой или жди меня здесь.

– Я с тобой, – быстро сказала девушка. – В случае чего я скажу, что заблудилась в лесу, вышла здесь и зашла попросить кого-то из самураев довести меня до дома, потому что боюсь разбойников.

Ей очень не хотелось оставаться одной, когда рядом происходит что-то непонятное.

– Хорошо, – после некоторого раздумья согласился Котоку. В конце концов, если женщина так боится, благородный воин не может ее бросить. Пусть благородному воину потом влетит за отлучку по первое число.

Они двинулись по ночному лесу. Сухие ветки потрескивали под ногами, шуршала тревожимая листва, осыпалась на голову и плечи хвоя, с лиц то и дело приходилось снимать липкую паутину.

– Кажется, все стихло, – прошептала Шито, остановившись.

– Идем, идем, – Котоку взял ее за руку.

...Едва прозвучал тот истошный вопль, Такаши сразу вскочил на ноги. Бросил взгляд влево-вправо. Никого. Оглянулся.

Во дворе дома что-то происходило. В распахнутом проеме ворот метались силуэты, вот кто-то упал, вот в чей-то руке блеснул металл... Двести шагов – довольно большое расстояние, чтобы разглядеть все, как следует. Тем более ночью. Но совершенно очевидно главное – это нападение.

Правая рука Такаши непроизвольно скользнула к поясу, огладила рукоять короткого меча-вакидзаси. Длинный меч на время вечерней прогулки он всегда оставлял в доме – катана, носившая имя «Блеск тысячи огней», мешала сосредоточиваться на внутреннем «я», видимо, слишком сильный дух-ками жил в повидавшем немало яростных сражений клинке.

Он бросился к дому. «Может быть, это ссора самураев? Нет, такое невозможно... Разве только на чей-то разум нашло затмение».

Он влетел в ворота и встал как вкопанный...

...Младший самурай не мог управиться с иероглифом «дзяку»². Он никак не мог добиться поставленного перед собой результата – плавного перехода линий из тонких в толстые. Этой плавности можно было добиться только постепенным увеличением нажима, но вот уже в который раз рука вдруг начинала предательски спешить, словно жила сама по себе, а не подчинялась разуму. Конечно, дело было не в руке, а в излишней горячности его характера, и эту горячность следовало обуздать.

Он услышал, как отодвинулась дверь комнаты.

– Сейчас приду! – громко сказал он, не оборачиваясь.

В ответ ничего не сказали, и это заставило его повернуть голову. То, что он увидел перед собой, совсем близко, в каком-то метре от себя, заставило его губы растянуться в улыбке. Он подумал, что его разыгрывают. Его любят разыгрывать, пользуясь тем, что он не обидчив. «Кто же это затеял?» – подумал он, продолжая улыбаться.

Его отсеченная голова с застывшей и теперь уже совершенно нелепой улыбкой ударилась о татами. Немногим позже на пол, забрызгивая его кровью, завалилось усеченное на голову обмякшее тело...

...Конечно, на полях сражений военачальник Такаши видел и не такое. Но то на полях сражений – там так и должно быть. Воины сходятся лицом к лицу и в честном поединке решают, кто из них достоин жить, а кто – умереть.

Такаши сделал несколько шагов и склонился над лежащим во дворе человеком, перевернул его с живота на спину. Лицо старшего самурая Хидэёри было искажено предсмертной судорогой боли. Остекленевшие глаза смотрели в ночное небо. Такаши подержал пальцы над губами – не дышит. Мертв. Но что его убило? Такаши заметил, что кимоно Хидэёри распорото в области сердца. Разрез вроде бы оставлен клинком, но... это не похоже на самурайский меч, это не похоже и на след от веера-оги... Пальцы Такаши испачкались в еще не свернувшейся крови.

И никого во дворе... кроме убитых. Вдобавок стоит странная, невозможная тишина. Такаши само собой пришли на ум рассказы о демонах и других злобных существах, порождаемых ночью. И ведь разрез на куртке Хидэёри мог быть сделан острым клыком, разве нет?

В пяти шагах от Хидэёри лежал Ода. Красавчик, любимец женщин, отличный фехтовальщик (может, потому что левша), заядлый, хотя и неудачливый игрок в кости. Его шея была перерезана до кости. И тоже не понятно чем.

Возле крыльца сидел еще один самурай, безжизненно свесив голову на грудь и привалившись к деревянной ограде. Военачальник узнал его еще издали по седым волосам. Айде, самый надежный и опытный из его самураев, они прошли вместе все сражения. Такаши присел возле него на корточки. Мертв, но никаких повреждений не видно. Такаши положил его на землю, перевернул, ощупал. Ничего, никаких ран и сломанных костей. Он приложил ухо к сердцу. Нет, никаких сомнений – мертв. Но что его убило?!

И эта мертвая тишина вокруг дома и в самом доме. Будь все проклято! Такаши вдруг понял, что он разлюбил тишину и одиночество навсегда.

Неужели никого не осталось в живых?! Но женщин, его жену и ее служанку, не должны были тронуть! Зачем им женщины?

«Кому „им“?» – тут же спросил Такаши сам себя. Если это темные силы, то...

Сперва следовало добраться до катаны, потом найти жену, а потом уж он обыщет здесь все. И если это люди, а не демоны, то, сколько бы их ни было, им отсюда не уйти.

Такаши поднялся по ступеням крыльца. Никого и ничего. Теперь налево, в комнату, где на стене висит его верный меч.

---

² «Спокойствие», его еще переводят как «нирвана».

Никого в этой комнате – ни своих, ни чужих. И жуткая тишина в доме...

Такаши снял со стены катану, выдернул меч из ножен, ножны положил на пол.

И в этот момент обострившимся чутьем Такаши почувствовал, что в доме он не один. Вот только люди это или не люди? Страх кольнул Такаши под лопатку – а вдруг не люди...

Он уже и забыл, когда последний раз испытывал страх. Наверное, когда сына за ногу укусила гадюка и сын проболел несколько недель. Тогда все обошлось – опухоль спала, сын окончательно оправился, но первые дни, когда жизнь сына висела на волоске, Такаши прожил в состоянии сильного страха и этого страха не стыдился – это был его единственный сын.

И сейчас военачальник не устыдился своего страха: он не боялся никого из человеческого племени, но прекрасно понимал, что бессилен против тварей из мира иного, а бессилие невольно порождает страх.

«Спокойно, спокойно, – сказал он себе. – Твои верные мечи при тебе. Сейчас это важнее всего». Стараясь ступать бесшумно, он вышел в коридор, сделал по нему несколько шагов и остановился перед дверью в комнату, в которой он принимал редких в его доме гостей. Подумал: «Хорошо, что в доме повсюду еще не потушены светильники – вторая рука не занята фонарем, а свободна, если понадобится, для вакидзаси».

Ощущение чужого присутствия еще более сгустилось. Очень на то похоже, его поджидают за порогом. Вряд ли стоят прямо перед дверью, скорее притаились слева или справа от дверного проема, прилипнув к стене.

«Как они смогли застать врасплох моих самураев? Это никому не удавалось. Не люди, не люди...»

Застыв у порога, Такаши напряженно вслушивался. Никаких посторонних звуков. Где-то рядом билась о стену, судорожно трепеща крыльями, ночная бабочка – они каждый вечер залетают в дом.

Такаши глубоко вздохнул, резко выдохнул, рывком отодвинул дверь и бросил себя через порог.

Влетев в комнату, на ходу развернулся и замер на полусогнутых ногах. Катана ничуть не дрожала в отведенной руке.

Но – никого и ничего. Пусто. А чутье на опасность не просто сгустилось до предела, оно сжимало голову стальным обручем. Полное впечатление, что противник находится прямо перед ним, но Такаши его не видит...

...Выйдя из-под ветвей, Котоку и Шито ступили в луговую траву. Шито задрала голову и посмотрела на луну, будто там крылась разгадка всполошивших их звуков.

– Плот у берега, – Котоку вытянул руку в направлении пруда. – И господина нет на месте. Шито крепко сжала его запястье.

Котоку посмотрел в сторону дома. Такая тишина стояла вокруг, что в худшее никак не верилось, но именно беззвучие и таило в себе угрозу. Должны звучать человеческие голоса, ведь тот крик должен был всполошить не только их.

– Возле плота... Что это?! – полным ужаса голосом прошептала Шито, отступая за спину Котоку.

Младший самурай еще раз, более пристально взглянул на плот и понял, о чем говорит девушка. В воде возле плота темнело... нечто, очертаниями напоминающее тело человека, лежащего на поверхности воды спиной вверх.

– Я туда, – проговорил Котоку, – а ты беги домой.

– Я никуда не уйду, – она вцепилась в него обеими руками.

– Хорошо, – согласился Котоку, которому ничего другого и не оставалось, – только отпусти меня. Мешаешь... Вдруг потребуется выхватить меч.

Они направились к пруду. Приблизились к плавучему сооружению из бревен.

– Стой здесь и гляди в оба. Слышишь меня? – Котоку заглянул ей в глаза.

– Да, – отозвалась Шито. Котоку ободряюще сдвигал ее плечи.

Торцы бревен касались берега, все остальное находилось в воде. Когда Котоку ступил на плот, тот качнулся под ним.

Он сделал шаг и... почувствовал, что теряет равновесие. Отчаянно замахал руками. Но удержаться не смог. Его словно бы тянули за ногу, нога потеряла опору и соскользнула с последнего бревна в воду. Самурай увидел под собой черную гладь водоема с размытым в ней отражением ущербной луны. Он упал в это отражение, разбивая его.

Шито вскрикнула, когда что-то обвило ногу Котоку. Потом закричала «Котоку!», но предупреждение опоздало – мужчина уже обрушился в воду, взметнув блеснувшие в ночном свете брызги.

– Котоку! Котоку! – кричала она, видя, как бьют по воде его ноги, руки взлетают и опускаются в пену и брызги.

Шито парализовал страх, тело окаменело, жили одни глаза, широко распахнутые ужасом. Она не могла заставить себя сдвинуться и сделать хоть что-то. «Почему он не встанет на ноги, там же мелко?»

Но все вдруг прекратилось. И вновь стало тихо. Котоку покачивался на успокаивающейся поверхности, лицом вниз. И тогда Шито побежала. Ее толкнул с места дикий ужас. Он погнал ее к распахнутым воротам дома господина Нава Такаши, где должны быть другие самураи, они ее спасут. Ее губы продолжали шептать на бегу: «Котоку, Котоку».

Подошвы отталкивали тело от влажной земли. Она держалась протоптанной тропы от пруда до ворот, чтобы высокая трава не тормозила бег. Ворота все ближе. Но что это там лежит во дворе, на песке? Это человек? Не может быть!

Что-то осой прожужжало за ее спиной. Она не оглянулась. Она продолжала бежать. Продолжала, уже почувствовав в себе инородное тело. Сзади, в шее.

Трава надвинулась на нее. Она поняла, что падает, когда уже ударилась о землю. Боль пришла и тут же пропала. Пропала, когда в глаза хлынула темнота. Темнота и кружение. Кружение, усиливающееся и увлакивающее куда-то вниз...

...Такаши стоял посреди гостевой комнаты с катаной в закаменевшей от напряжения руке. «Где ты и кто ты? Ушел из дома или здесь? Как ты выглядишь? Человек или тварь?»

Такаши никак не мог сойти с места. Чутье, которому привык доверять и которое не раз спасало ему жизнь, безошибочно предупреждая об опасности, сейчас вопило, скребло по нервам, кричало: «Рядом! Рядом!»

– Где же ты? – прошептал Такаши. – Выходи! Я жду.

Сверху донесся шорох, и в тот же миг на голову и плечи обрушилась тяжесть, сбила с ног, подмяла под себя. «Откуда?! Как он мог удержаться на потолке?»

Его вдавили лицом в шершавые циновки. Катана отлетела в сторону, заткнутый за пояс вакидзаси больно врезался рукоятью в живот. Но что эта боль по сравнению с той, которой отзывается сдавливаемое горло, сдавливаемое чем-то узким и каменно-твердым, обвившим шею. Удавка!

Такаши попытался завести пальцы под удавку, пальцы наткнулись на металл, нащупали звенья узкой цепи. Но оторвать от себя не получалось. Это рука? Но какая же в ней сила! Перед глазами пол, голову не вывернуть. Ноздри чувствуют запах чужого пота. Слышится сопение. Он попробовал вытащить вакидзаси. Но руку придавило к полу чье-то колено. Бесполезно, все бесполезно. Спину неумолимо придавливает к полу чужая тяжесть.

Так человек ты или нет?

Такаши понял, что сейчас умрет, что уже ничего не сможет сделать, что сознание покидает его, но... но надо как-то извернуться и увидеть своего убийцу.

Неимоверным усилием повернул голову. Еще немного... Перед глазами все плывет, рот судорожно открывается в попытках вдохнуть...

– Мне приказали назвать имя, – он не увидел, зато услышал голос врага. – Это имя – Белый Дракон. Белый Дракон велел передать, что ты был достойным противником и ему жаль, что у него отныне не будет столь достойного врага. Ты принимаешь смерть от Белого Дракона...

Такаши захотел выкрикнуть проклятие, раз он не мог сделать ничего другого. Но он не мог вдохнуть воздух.

А потом он почувствовал легкий толчок под сердцем, словно пальцем надавили, и все потонуло в беспросветно-черной пелене... так похоже, что он попал в самую сердцевину дождевого облака...

Но Нава Такаши умер не тотчас. Нанесенный ему удар давал возможность прожить еще какое-то время. И его жена тоже не была убита, а была лишь оглушена. Когда она пришла в себя, то бросилась на поиски мужа. Муж умер у нее на руках, успев назвать имя своего убийцы. Белый Дракон.

Часть первая ЖИТИЕ ФЕОДАЛЬНОЕ

Глава первая ХАНДРА ДРЕВНЕРУССКОГО ДАЙМЁ

– Шел четвертый месяц увлекательного правления, – пробормотал Артем на чистом русском языке и шлепнул ладонью по мутной воде, подняв тучу брызг.

Потом он вытянул руку над головой и призывно щелкнул пальцами. На призыв незамедлительно откликнулся слуга по имени Рётаро. Он сидел в двух шагах, возле фурако, то бишь деревянной бочки-купели, на господина не пялился, но не выпускал из поля зрения ни на секунду. Был настороже, чтобы не пропустить момент, когда хозяину что-то понадобится. Хозяину понадобилось. Причем хозяину даже не пришлось уточнять, что именно ему нужно, – за четыре месяца слуга неплохо изучил привычки и жесты господина.

Рётаро схватил стоявший в тени поднос с саке и легкой овощной закуской, просеменил к бочке, поставил поднос на ее край.

Этот слуга достался Артему от предыдущего, свергнутого Артемом даймё... Впрочем, и все остальные слуги господина Нобунага в полном составе перешли в услужение к новому хозяину. Никто из них не покончил с собой, не подался в бег. Все-таки не самураи, а люди простые, по большому счету, им что один хозяин, что другой – все едино, лишь бы кормил посытнее и бил пореже...

Рётаро стоял рядом с бочкой, сложив руки на животе и зажмурившись, как кот. А когда Рётаро жмурился, улыбался или иным образом приводил в движение лицевые мышцы, то физиономия у него покрывалась тысячью морщин и становилась совершенно плутовской. Глядя на него в такие моменты, Артем вспоминал игрушку из своего далекого (ох, из какого офигительно далекого!) российского детства – кукольная голова из поролона или какого-то похожего материала, которую надеваешь на руку, а когда шевелишь пальцами, тряпичная морда смешно сморщивается. А еще такие лица, как у Рётаро, принято сравнивать с печеным яблоком.

Из-за этих морщин невозможно было понять, сколько же лет слуге. В спокойном состоянии лицо кажется молодым, стоит появиться морщинам – старик стариком. Можно было бы, конечно, спросить у самого Рётаро, но Артем не спрашивал. Во-первых, не пристало самураю высокого ранга интересоваться возрастом слуг, по идее он на них должен обращать внимание не больше, чем на циновки, по которым ходит, а во-вторых, полученный ответ убивает вопрос, а вместе с ним загадку и тем делает жизнь скучнее. Правда, уж кому-кому, а Артему не приходилось жаловаться на скуку. Веселья в его жизни хватало. Даже порой зашкаливало с весельем...

– Ну, за императора вся Ямато! – по-русски произнес Артем и влил в себя содержимое глиняного сосудика.

Рётаро, изучивший все повадки господина, знал, каким будет следующий приказ все-сильного даймё.

– Рётаро, позови Мито! – Артем бросил слуге пустой сосуд из-под саке, и это был уже пятый за сегодня сосуд. – Впрочем, ты и сам все знаешь, старый плут...

Не только Рётаро прекрасно изучил привычки господина, то же самое можно было сказать и об остальных обитателях замка. Та же Мито – в этом можно не сомневаться – уже сидит с бива наготове возле окна на женской половине. Прислушивается, ждет, когда ее позовут. А

раньше положенного показываться на глаза хозяину не решается – хозяин может и осерчать. Ведь сегодня хозяин хандрит.

Незнакомое слово «хандра» обитатели замка выучили за четыре месяца и уже даже перестали считать чужеземным, более того, оно давно уже шагнуло за пределы замка и уверенно входило в речь обитателей провинции. Японцы понимали это слово как «сумеречное состояние души».

Вот аккурат в это самое сумеречное состояние их даймё время от времени и впадал. А последнее время впадал все чаще и чаще...

Мито, семена, пробежала от крыльца до бочки, упала на колени на заранее расстеленную Рётаро циновку, склонилась низко, едва не касаясь лбом земли. Замерла в ожидании приказов господина.

– Играй, Мито! – сказал Артем. – Нашу...

– Хорошо, господин.

Мито кивнула, положила бива на колени. Тронула струны.

В замке считали, что даймё поет свои песни на древнем колдовском языке, этим пением отгоняет злобных духов, которые погружают его душу в сумеречное состояние. И не песни это вовсе, а заклинания. Ведь человеческое воплощение могучего Бьяку-Рю, сиречь Белого Дракона, не может не владеть действенными заклинаниями против злобных духов.

Артем, разумеется, никого ни в чем не разубеждал, еще не хватало! Пусть себе ищут и находят лишние подтверждения могущества Белого Дракона. Это работает на укрепление власти даймё – все хорошо, все правильно, все годится.

– Счастье вдруг как-то раз... – запел Артем под аккомпанемент бива. Певец из него был, конечно, аховый, но дело же не в попадании в ноты и не в лазурной чистоте голоса, а в душе, которой поет русский человек.

– ...Постучалось в двери. Неужель ты ко мне? Верить или не верить?

Артем щелкнул пальцами, и Рётаро со всех ног припустил за новым сосудом с саке.

– Тот, кто ждет, все снесет, как бы жизнь ни была. Лишь бы все, это все не напрасно было...

Артем знал, о чем думает сейчас его слуга. А думает он о том, что господин еще не один раз пошлет его за саке и еще не одну песню исполнит, после чего выберется из фурако, сильно покачиваясь, направится в замок, поднимется в зал для занятий кэмпо. Там господин возьмет не деревянный меч – боккэн, а свой длинный, остро отточенный – «Свет восемнадцати лун». И будет рубить им воздух, сражаясь с тенью. Он может сражаться с тенями долго, очень долго, в этот момент господина тревожить ни в коем случае нельзя, что бы ни случилось, иначе господин придет в сильнейшую ярость. Еще два месяца назад не пришел бы, а сейчас – обязательно разъярится. Изменился господин за последнее время.

А поди тут не изменись! Только из-за трех покушений можно измениться, не говоря уж про то, чтобы захандрить всерьез и надолго. А тут еще во время последнего покушения гибнет один из ближайших сподвижников, один из вернейших людей. Юноша Касаи. Он прикрыл Артема своим телом, бросившись под отравленный кинжал.

Касаи вовремя распознал убийцу в невзрачном, одетом под батрака-поденщика человеке, стоявшем на обочине. Артем ехал по дороге вместе с несколькими сопровождающими. Это был рядовой выезд даймё в город Ицудо – если не каждый день, то на неделе раз по пять даймё бывал в городе по тем или иным делам или просто проезжал через город, куда-то направляясь.

«Батрак-поденщик», как и должны поступать простолюдины при виде самурая высокого ранга, склонился в низком, до земли, поклоне. А потом и вовсе упал на колени в дорожную пыль.

Дело происходило на повороте перед мостом, перекинутым через Бездонный Овраг. Это уже потом Артем сообразил, что «батрак-поденщик» не случайно оказался тут, а тщательно выбирал место для встречи с даймё. Дорога здесь резко сужалась, и, шагнув перед тем, как упасть на колени, «поденщик» оказался в каком-то метре от пути следования даймё. И шагнул вперед он аккуратно тогда, когда к нему приблизилась лошадь даймё. Артема нисколько не встревожило это незначительное обстоятельство. И он прозевал тот момент, когда «батрак» из рукава грязного, латаного-перелатаного кимоно вытряхнул в ладонь узкий кинжал и стрелой метнулся к его коню. Артема спас Касаи.

Касаи, как он это обычно делал, бежал чуть позади лошади Артема, положив ладонь на круп. Видимо, он сразу что-то заподозрил, потому что загодя переместился ближе к всаднику.

Бросок Касаи совпал по времени с броском «батрака», и телохранитель Артема сумел отрезать убийцу от господина.

К несчастью, с реакцией и проворством у «батрака-поденщика» оказалось все в порядке, и он не дал Касаи ни выбить кинжал, ни взять себя в плен – чего добивался Касаи. Убийца увернулся от захвата и всадил кинжал в левый бок телохранителю даймё. А телохранитель, понимая, что не имеет права дальше подвергать опасности жизнь господина, сокрушающим ударом голый руки в горло убил нападавшего.

Касаи умирал в страшных мучениях. Но, к счастью, – если, конечно, в этом всем можно усмотреть хоть какое-то счастье, – мучения длились не долго. Яд, которым было смазано лезвие, оказался быстродействующим. «Судя по почерневшим губам и красным глазам, это яд из крови тритона, гадюки и черного лотоса, – объяснил потом Такамори. – Им пользуются, когда нет необходимости, чтобы человек умирал в муках, а нужно лишь, чтобы он умер как можно быстрее».

Артем тогда стоял над скрючившимся замертво в дорожной пыли Касаи, на месте которого должен был оказаться он, и мысли в его голове крутились насквозь странные и несвоевременные. Он думал о том, что в обязательных поклонах при проезде высоких особ изначально был заключен сугубо практический смысл. Из подобного положения не больно-то удобно срываться в атаку. И к тому же не вовремя распрямившийся и даже просто поднявший голову человек мгновенно привлечет внимание охраны.

«Черт, – поймал себя тогда на мысли Артем, – все лучше и лучше понимаешь кровавых тиранов и диктаторов-параноиков, которым всюду мерещились заговоры и наемные убийцы. Еще немного, и, как товарищ Сталин, я начну повальные чистки самурайских рядов в подотчетной мне провинции». Еще он подумал тогда о том, что одним человеком, чьего предательства можно было не опасаться, рядом с Артемом стало меньше. Их и без того было немного...

И это было третье покушение. А сперва Артема попытались отравить. Случилось это вскоре после разгрома монголов, через неделю после триумфального возвращения даймё в замок. В общем-то, отравили бы как нечего делать, если бы не нашлось кому думать за Артема. А думал за него Такамори. Не спрашивая разрешения у господина даймё, он заставлял одного из слуг пробовать всю еду, которую подавали на стол господину, и лично за этим следил.

После одной из таких проб слуга-пробовальщик умер. Дознаваться, кто подсыпал яд, не пришлось. Другой слуга (тоже из тех, что достались от прежнего даймё), увидев, что покушение провалилось, покончил с собой. И поди узнай, сам ли он надумал известить нового даймё, допустим, не поверив, что его новый господин – человеческое воплощение Белого Дракона, или действовал по чьему-то наущению.

Ну, а второе по счету покушение было каким-то несерьезным, больше похожим даже не на покушение, а на предупреждение. Отряд ехал по лесной дороге, и из зарослей вылетела стрела. Никого не задев, она просвистела между Артемом и ехавшим вслед за ним самураем. Сопровождавшие Артема самураи бросились в лес, добросовестно прочесали окрестности, но никого и ничего там не обнаружили.

Правда, Такамори в версию предупреждения не поверил. «Если бы захотели предупредить, – сказал он, – пустили бы стрелу ближе к человеку, которого предупреждают. Тем показали бы, что в любой момент, когда захотят, смогут его убить. Только зачем кому-то вздумалось предупреждать? Ради чего? Думаю, все проще. У наших врагов не нашлось под рукой хорошего стрелка из лука. Послали кого ни попадя, какого-нибудь никудышного ронина, трусоватого, но готового за плату на любую грязную работу. По причине своей трусости он и стрелял с большого расстояния, а после выстрела тут же убежал. Попасть можно было лишь при большой удаче, а удача в тот день отвернулась от него. Зато удача благоволит Белому Дракону». «Обидная твоя версия, – сказал Артем полушутя-полусерьезно. – Выходит, совсем меня не уважают, раз посылают каких-то трусоватых ронинов».

Но в одном старый лис Такамори был абсолютно прав – все эти покушения замечательным образом работали на укрепление авторитета Белого Дракона. Слухи о неуязвимости Бьяку-Рю мгновенно облетали провинцию. А по дороге, как положено слухам, они обрастали фантастическими подробностями. И уж тут не одной стрелой из кустов пытались застрелить даймё, стрел было множество, как и лучников, перегородивших дорогу Белому Дракону. И даймё останавливал полет стрел, вытянув перед собой руку.

И как раз вся эта мифология, которой благодаря покушениям обрастало имя Белого Дракона, позволяла Артему заподозрить в покушениях... самого Такамори.

Да, трудно представить другого человека, которому была бы столь невыгодна смерть Артема. Да, со смертью даймё Такамори потеряет слишком многое. Только никто и не говорит, что Такамори собирается убивать своего покровителя. Он всего-навсего инсценирует покушения, чтобы повысить авторитет этого самого покровителя и упрочить его положение, а вместе с ним и свое собственное. И уж в чем не приходится сомневаться, так это в том, что Такамори с легкостью необычайной принесет в жертву какого-то слугу... Правда, с третьим покушением в этом случае получается неувязочка. Принести в жертву единоверца, даже ради такой благой цели, как укрепление авторитета покровителя и благодетеля, Такамори никак не мог. Для него жизнь любого яма-буси, как своего, так и чужого клана, священна.

Но если не Такамори, то кто? Кто стоит за покушениями? И приходится признать, что имеется слишком много кандидатов на роль Доктора Зло, чтобы остановиться на ком-то одном.

Например, сын убитого Артемом даймё. Пусть убитого в честном поединке, но у сына даймё на этот счет может быть другое мнение.

Или заказчиком покушений мог быть любой из самураев высокого ранга, проживающий в этой провинции, а то и в Киото, или в Камакура, кого вполне устраивал в должности сюго, то есть военного губернатора провинции, даймё Нобунага и совсем не устраивает некий гайдзин, правящий под именем Ямомото и называющий себя человеческим воплощением великого и ужасного Бьяку-Рю. Открыто противостоять победителю монголов и герою народных легенд неразумно, а вот послать наемных убийц – это запросто, на это можно и не пожалеть коку-другое риса.

И наконец, желать смерти даймё под именем Ямомото может вообще любой из самураев страны Ямато. Причина для ненависти найдется, выбирай любую: верность Нобунага и желание отомстить за него, непереламаваемая убежденность в том, что любой чужак – враг, кем бы он ни был и от каких бы монголов ни спасал, ну и так далее...

Наверное, если бы Артему удалось остановиться на одном кандидате в Доктора Зло, то можно было бы что-то придумать. Скажем, нанести упреждающий удар. А так, скорее всего, удар будет нанесен вновь по нему. И поди догадайся, откуда и когда ждать его в следующий раз...

Ну, и в любом случае, согласитесь, размышления на тему «Кто организует против тебя покушения» никак не способствуют душевному спокойствию. А если эти размышления вкупе с раздумьями на тему «Откуда придет следующий убийца» не отпускают тебя ни на миг – до

паранойи или какого-нибудь другого психического расстройства рукой подать. Вот она, блин, обратная сторона власти. И это еще власть небольшая, размером с провинцию. А что же творится с людьми, которые распоряжаются огромной страной?

Словом, не приходится удивляться, что бывший цирковой артист, ранее употреблявший алкоголь лишь по великим праздникам и с превеликой осторожностью, вдруг приохотился к саке. Может быть, как раз странно было бы, если бы не приохотился. Вот такие дела...

Но на этот раз хандрившему даймё не удалось исполнить весь свой обычный для подобных дней песенный репертуар. Даже не удалось закончить начатую песню.

Артем увидел, как по дорожке, поднимая пыль соломенными сандалиями, в сторону навеса к нему несется кривоногий Рётаро. Слуга с разгона упал на колени перед бочкой с господином, уткнулся лбом в землю.

– Господин! – закричал Рётаро, не поднимая головы. – К замку движется отряд самураев. Больше одной руки, но меньше двух рук всадников. Много рук асигару³. И еще – женские носилки.

– Цвета? – быстро спросил Артем.

– Черные с желтым.

– Открыть ворота! – Артем выпрямился в бочке. – Рётаро, дуй к воротам, встретишь гостей! Проводишь их в комнату для чаепитий.

Артем перемахнул через край бочки, прыгнул на землю голым пред светлы очи слуг и служанок.

Артем не стеснялся, и вовсе не потому, что опростился в стране Ямато. Просто уже привык к тому, что понятие стыда в Ямато несколько иное. Стыдно, например, не выполнить приказ. Настолько стыдно, что и жить после этого никак нельзя. А голым показаться не стыдно. Нет срамных органов, потому что не существует для японцев такого понятия, как «первородный грех», и боги не называли греховным то, что естественно, что приносит удовольствие людям и самим богам.

Артем засунул ноги в гэта, на ходу вытираясь куском материи, направился в замок. Следом за ним поспешал Рётаро, который нес в руках одежду господина. То была повседневная одежда, а Артем хотел встретить гостей в одежде парадной.

А что самое приятное – хандру как рукой сняло. Артем знал, кто к нему пожаловал. Ох, и заждался он этих гостей...

---

³ Асигару – буквально: легконогие, пешие воины.

Глава вторая

ЧЕРНОЕ С ЖЕЛТЫМ

Черное с желтым – это были цвета рода Кумазава. Конечно, и у других самурайских домов могли быть такие же цвета. Однако упомянутые Рётаро женские носилки не оставили у Артема никаких сомнений – «к нам едут Кумазава». Причем оба Кумазава – брат и сестра. Особенно, конечно, обрадовали Артема эти самые женские носилки.

Чего уж там себя обманывать – одной из причин его хронической хандры (а кто знает, может, и вообще главной причиной) как раз и было отсутствие рядом Ацухимэ.

Он ведь так и не видел ее с тех пор, как отправился на побережье встречать монгольские корабли. Тогда он еще, помнится, умилялся сусальности этой истории: рыцарь отбывает в дальний поход, а дама сердца машет вслед платочком и по ее щеке катится крупная, родниково-прозрачная слеза.

Ага, катилась по ее щеке слеза, как же! Точно так же она роняла слезы, как дожидалась его возвращения!

Как выяснилось, Ацухимэ на следующий же день покинула замок и отправилась в столицу. Хорошо еще, что ушла не тайком и не в одиночку. А с нее бы случилось! Однако на этот раз благоразумие (и это чертовски удивительно!) не покинуло представительницу рода Кумазава – она взяла не только лошадь, но и провожатых из числа самураев – из тех, что Артем оставил для охраны замка. За два дня они добрались до города Химедзи, что находится на полпути в столицу. Там по настоянию госпожи остановились на постоялом дворе, чтобы дожидаться известий с побережья.

Известия о победе над монголами разнеслись по городам и весям со скоростью необычайной (ну, надо думать, событие-то эпохальное, доселе страна Ямато не знала ни иноземных нашествий, ни, соответственно, и отражений таковых!). Едва вести достигли города Химедзи и постоялого двора, как Ацухимэ велела не мешкая собираться в дорогу. Они продолжили путь в Хэйан. В столице, передав дочь рода Кумазава с рук на руки представителям дома Кумазава, самураи без промедления выступили в обратный путь.

Честно говоря, Артема удивило, что Ацухимэ не стала дожидаться его возвращения. И удивило неприятно. А ему казалось, что между ними зарождается что-то похожее на взаимность, вспыхивает та пресловутая искра. Он долго изводил себя вопросами: «Почему? Почему она сбежала? Или я для нее был только соратником по борьбе? Всего лишь случайным спутником, с которым какое-то время было по пути? А как только дорожки разошлись – из сердца вон?»

Но пойдя найди ответы на эти непростые вопросы. Для того надо в равной мере постигнуть и тайны женской души, и причудливость японского образа мыслей. То и другое нелегко. Короче говоря, оставалось только тешить себя слабой надеждой, что Ацухимэ бежала не от чего-нибудь другого, а от своих чувств к нему, гайдзину по имени Артем. А вдруг и вправду в девичьей душе разгорелась нешуточная борьба между чувствами и долгом? И некогда принятое ею решение оставаться, как она это сама называла, «чистой» во имя служения своей стране на ответственном посту домоправительницы сёгуна или кого-то в этом роде уже не казалось ей правильным выбором? Испугалась, что не сможет устоять перед искушением, и сбежала...

Выяснить у самой девушки, что да отчего, не представлялось возможным. А как тут выяснишь? Только при личной встрече или письмом. Сама Ацухимэ ни в Ицудо, ни в иные города этой провинции не навещивалась... Впрочем, как и Артем в японскую столицу.

Нет, оно бы, конечно, было бы небезынтересно посетить столицу страны Ямато. Любопытно было бы поглядеть, как выглядит главный город древней Японии, чем, понимаешь, живет и дышит. Одним глазом взглянуть на императора. Чего-чего, а средств на такую про-

гулку новоявленному даймё и тайному покровителю всех игорных заведений своей провинции хватило бы с избытком. В битком набитый аристократами Киото он заявился бы не занюханым провинциалом на старой кляче, а вполне пристойно упакованным, конкурентоспособным самураем.

Однако умные люди показываться в Киото ему пока не рекомендовали. Равно как и в другом столичном городе – Камакура. И с доводами этих людей Артем вполне соглашался.

Что же касается переписки... Это-то пожалуйста. Бери тушь и кисточки, доверяй рисовой бумаге сокровенные мысли, сворачивай послание в трубочку, засовывай в бамбуковый пенал и отправляй в Киото самурая с поручением вручить письмо лично госпоже Кумазава Ацухимэ.

За четыре месяца Артем так ни одного письма и не отправил. Правда, писать пытался. Но потом свои недоконченные опусы рвал или сжигал. Путаница в мыслях, переложенная в иероглифы, отчего-то выглядела чудовищно нелепой. Видимо, для выражения хаоса иероглифы совершенно не годятся, и для путаницы нет ничего более подходящего, чем язык берез и осин. Да вот только на том языке Ацухимэ пока еще ничего не понимала...

Кстати, о березах и осинах. Во время участвовавших приступов хандры Артему все чаще приходила в голову дикая мысль: «А не рвануть ли отсель как раз к тем самым осинам?»

И не то чтобы его мучила эдакая белоэмигрантская ностальгия: припасть к тоненьким березкам, набрать в дрожащие ладони родной земли да прослезиться под малиновый звон колоколов. Нет, Артем отчетливо понимал, что на родных просторах он будет ощущать себя никак не меньшим чужаком, чем здесь. Даже, пожалуй, еще большим чужаком, как это ни странно. Потому как здесь он уже вжился в местную реальность. И не просто вжился, а отвоёвывал себе положение, силу, власть...

Только вот коварные мыслишки под покровом хмельного тумана нет-нет да и просачивались в голову, что твои партизаны во вражеский тыл. И после пяти-шести сосудов саке Артем принимался размышлять о том, что средств на покупку корабля у него вполне хватит. На этом корабле он переправится через залив, а далее пойдет на нем вдоль корейского берега сперва на юг, потом повернет на запад. Пойдет, следуя всем изгибам береговой линии. Рано или поздно доплывет до реки Ефрат (месторасположение которой представлял – запомнил по карте в учебнике истории), а потом – по ней вверх, до упора. А от того упора уже рукой подать до русских земель, до стольного града Киева. («Какой там князь у нас сейчас заправляет? – пытался вспомнить акробат. – А пес его знает! Плохо быть исторически неграмотным»). Викинги же доплывали до Америки, а думается, их драккары вряд ли намного превосходили мореходными качествами здешние лоханки... (Правда, Артем пока не вникал в мореходные качества здешних лоханок, даже и не видел их вовсе.)

Товарищи верные в спутники найдутся. Скажем, нет ни малейших сомнений, что за ним в дальнюю дорогу последуют все яма-буси клана Такамори во главе с последним, потому как им здесь без него придется несладко. Какое там несладко! Перебьют их в два счета или загонят в леса и будут травить, как травят тигров-людоедов – всем миром. Уж лучше полные неизвестности дальние края. Правда, их всего-то раз-два и обчелся, но это неважно, зато каждый стоит дюжины.

И еще с ним отправятся те самураи, которых он приблизил к себе за четыре месяца. Из которых сколотил своего рода преторианскую гвардию, то есть поступил, как и положено поступать новому властелину – окружил себя людьми, всем тебе обязанными, поднятыми тобой из грязи в князи, что в нашем случае означает поднятыми до положения самураев даймё с ежегодным доходом в сто пятьдесят коку риса (весьма недурным по здешним меркам). Эти самураи разве что не молятся на своего господина и последуют за ним куда угодно, если господин скажет «надо». Их вассальная преданность порой поражала Артема. Не приходилось сомневаться, что они ринутся даже на стократно превосходящего противника, если он покажет на него пальцем и скажет «вперед». Ринутся без всяких колебаний и страха за свою шкуру. Разве

что супротив императора не пойдут, микадо для любого японца священен. «Обреченные на верность» – это определение самураев он вычитал еще в прежней своей жизни. Точное определение, ничего не скажешь...

Словом, есть с кем отправиться в дальние края. Выйдет великолепное путешествие с абсолютно непредсказуемым исходом, и уж точно оно излечит бывшего циркового гимнаста от тоски-печали...

Вот такие странные мысли одолевали Артема во время острых приступов хандры. Конечно, всерьез он никуда не собирался отправляться, тем паче за тридевять земель. Просто грызло что-то изнутри, непонятное и необъяснимое. Какой-то червь сомнения и беспокойства. Позывы бежать к чему-то или от чего-то, чтобы заглушить тоску. Может быть, подобные белоэмигрантские страдания есть неизбежная участь любого русского человека на чужбине?

«Следует признать – вовремя приехали Ацухимэ и Хидейоши», – подумал Артем, заканчивая переодеваться в парадное кимоно...

Он повязал пояс-оби, засунул за него оба меча, одним из которых был «Свет восемнадцати лун». Заканчивая с туалетом, собрал волосы на затылке в пучок, закрепил специальными деревянными заколками. «Ацухимэ, поди, не сразу и признает».

За четыре месяца его внешность изменилась. Он отрастил длинные волосы и теперь носил (а куда деваться!) самурайскую прическу сакаяки, то есть выбривал волосы у лба полумесяцем. И еще его лицо теперь украшали щеточка усов и небольшая бородка, которая чуть позже и чуть в других краях будет зваться эспаньолкой. («А спроси, зачем я ее отрастил, пожалуй, и не отвечу. Вот взбрело в голову, и отрастил».) Каждое утро брадобрей Дандзюро подбривал ему лоб и подравнивал растительность на лице – господин даймё должен выглядеть безупречно.

Сперва, правда, Артем хотел побриться наголо, чтобы не смущать японцев русым цветом волос. Но его отговорил Такамори. «Ты же известен как человеческое воплощение Б е л о г о Дракона. Твои светлые волосы все время напоминают об этом тем, кто вдруг станет забывать». Поразмыслив, Артем признал доводы Такамори разумными.

Ко всему прочему за эти четыре месяца Артем основательно загорел, поскольку много времени проводил на улице, на ветру и на скаку. Его кожа утратила бледно-городской цвет, с каким он явился в Страну восходящего солнца, и покрылась ровным коричневым загаром.

«И вот уж кто точно меня бы не узнал, так это цирковые, – иногда думал он, когда смотрел на свое отражение в воде или в зеркале из отполированного металла. – Явись я им таким чудом, бросились бы наутек с криками „Шайтан! Шайтан!“».

– Ну все, – сказал Артем, отодвинул решетчатую бумажную перегородку и вышел в коридор.

Брат и сестра дожидались его в комнате для приема гостей. Эту комнату Артем устроил на втором этаже рядом с залом для занятий кэмпо. Окна комнаты выходили на небольшой сад с сакурами, с живописно обложенным камнями родником, с бамбуковым желобом, по которому ключевая вода стекала в небольшой пруд.

Когда он вошел, гости поднялись с циновок. В отличие от Артема, оба Кумазава за четыре месяца внешне нисколько не переменились. Сестра была столь же хороша собой, а Хидейоши... Ну а что Хидейоши? Все такой же Хидейоши – в лице, осанке, в каждом жесте виден конфуцианский благородный муж. (Правда, Конфуция Артем ни *там*, ни *здесь* не читал, однако *здесь* умные люди достаточно, как он считал, толково и квалифицировано растолковали ему, что к чему в этом конфуцианстве и что имел в виду китайский мыслитель под сочением слов «благородный муж». Касаемо последнего – Кумазава Хидейоши, как вывел для себя Артем, полностью бы устроил старину Конфуция.)

Почему-то Артем полагал, что, едва он увидит Ацухимэ, у него пойдет кругом голова, как, бывало, кружилась она у него и раньше от близости прекрасной японки, когда вдвоем

они странствовали по провинции. Однако никакого головокружения не случилось. И сердце не сорвалось с цепи и не пустилось в бешеный перепляс. Кто его поймет, это сердце... Хотя, конечно, вновь видеть Ацухимэ ему было чертовски приятно.

Сперва низко поклонились гости, прижав кулаки к бедрам. Они не распрямлялись, дожидаясь ответного поклона хозяина, тем самым выказывая уважение хозяину дома и влиятельному господину.

Артем склонился в поклоне чуть менее глубоком, чем у гостей. И дело тут не в меньшем уважении, а в церемониальных тонкостях. Ведь это не он зазывал к себе в гости, это к нему пожаловали незваные визитеры. Поэтому более глубокий гостевой поклон – как бы извинение за то, что потревожили, может быть, даже оторвали хозяина от каких-нибудь важных дел.

Что-то, а науку поклонов за эти месяцы Артем освоил почти в совершенстве. Без нее тут никуда.

– Сядем, – Артем показал на столик.

На застеленный тонкой бумагой стол расторопными слугами уже были выставлены холодный чай и рисовое печенье. Едва все опустились на колени, как Хидейоши протянул Артему бамбуковый пенал. Артем открыл его и достал свиток бумаги. Развернул и прочитал: «Доставит его Кумазава Хидейоши. Писано от тэнно⁴ Сидзэ к даймё Ямомото, какового почитают за воплощение Бьяку-Рю. Тэнно Сидзэ зовет даймё Ямомото ко двору. Кумазава Хидейоши поручено сопровождать даймё Ямомото в Киото». Подпись. Печать.

Ну, вот и дождался... Вызывают-таки на императорский ковер...

Сам факт такого вызова Артема несколько не удивил. Что называется, давно пора. Перезрело уже императорское приглашение в гости. Артем ждал его сразу после своей победы над монголами... Ну, если не прямо сразу, то чуть-чуть погодя, все же новости облетают Страну восходящего солнца не по оптико-волоконным кабелям, а из уст в уста, что происходит несколько медленней. Однако даже с поправкой на уста все сроки вышли, а гонца с приглашением в Киото все не было и не было. Неужели императору неохота взглянуть на героя, на живую легенду, черт возьми, на человеческое воплощение мифического Белого Дракона? Да и в конце концов, должен же верховный правитель просто озаботиться тем, в чьи руки перешла реальная власть в одной из провинций е г о страны.

Артем ждал, когда прискачут по его душу (можно сказать, всегда держал наготове тревожный чемоданчик), недоумевал, почему не вызывают, ждал, недоумевал и... в конце концов ждать перестал. Пожал плечами, мол, Восток – дело тонкое, не нам с наскоку его раскусить, потому будем жить как живется.

Но вот не прошло и четырех месяцев, как подоспело императорское приглашение. Интересно все же, почему именно сейчас, почему они там вдруг встряхнулись и вспомнили?

– То, что послали тебя, это не случайно, так? – спросил Артем, все еще продолжая держать в руках письмо.

– Да, – кивнул Хидейоши. – Я не скрывал знакомства с тобой, поэтому послали меня.

Артем бросил взгляд на Ацухимэ. Хотел было спросить Хидейоши: «А сестра сама вызвалась поехать с тобой или как? Или ты настоял? Или, скажем, оставить не с кем?» Но сдержался. Спросил о другом:

– И когда тебе велено назад?

– Моего... нашего возвращения ждут не позже чем через месяц.

– А если вдруг через месяц мы не появимся в Киото? – катнул пробный шар Артем.

– Почему? Как так? – Хидейоши явно напрягся.

---

⁴ Тэнно («верховный правитель») – официальный титул правителей Японии. А микадо (буквально: «почтенные врата») и некоторые другие наименования императора – это эвфемистические титулы, которых за японскую историю было множество, но некоторые не прижились, некоторые не столь часто используются.

Вообще напряжение между ними стало чувствоваться с самого начала. Возможно, из-за поклонов этих идиотских и необходимости во всем следовать установленному ритуалу. Нет чтобы по русскому обыкновению похлопать друг друга по плечам, расцеловаться троекратно, восклицая: «Сколько лет, сколько зим! Что ж не поешь-то, а? А помнишь как мы с тобой?.. Пошли-ка хлопнем с дороги по рюмашечке!» Ну и так далее. Вместо этого – сплошные церемонии.

– Ну мало ли почему люди задерживаются, – пожал плечами Артем. – Скажем, в день отъезда я заболею и лягу. И пролежу никак не меньше месяца, а то и двух. Что тогда делать?

Хотя Артем говорил полушутливым тоном, Хидейоши был предельно серьезен:

– Я отправлю в Киото гонца с письмом. В письме я объясню причины задержки.

Артем продолжал поглядывать в сторону девушки, но Ацухимэ как сидела, опустив глаза, так и продолжала сидеть.

– А если твой гонец не доедет? Скажем, по дороге конь под ним сломает ногу, падет, придавит гонца, сломав ему чего-нибудь... ну и так далее...

– Я не понимаю тебя, Ямомото! – Хидейоши сдвинул пальцами колени.

– Чего ж тут непонятного? – развел руками Артем. – Один знакомый мне чиновник, посланный с важным поручением, помнится, тоже попал по дороге в неприятную историю и чуть было не загубил все дело. Такое случается.

– Что ты хочешь от меня услышать? – в голосе Кумазава слышалась некоторая растерянность.

– Он хочет вызнать, – неожиданно вступила в разговор Ацухимэ, – не даны ли тебе полномочия доставить даймё в столицу любым способом. Включая силу. А также Ямомото хитрыми вопросами пытается дознаться, не известно ли тебе что-нибудь о тайных замыслах двора. Не хотят ли, выманив даймё по имени Ямомото в столицу, там его убить.

Глаз при этом Ацухимэ так и не подняла.

«А сестра умнее своего брата, – подумал Артем. – Впрочем, это не новость. Хотя, конечно, благородства и храбрости Хидейоши не занимать. Этим он сам со всеми поделиться может». Вслух же он сказал, виновато разведя руками:

– Не удалось мне надежно упрятать тайный умысел своих вопросов. Женщина, она сердцем чувствует.

– Теперь ясно, – кивнул Хидейоши. – Ты мне не доверяешь, ты полагаешь, что я способен стать твоим врагом. Но ты мог бы спросить у меня обо всем прямо! Ведь мы же сражались бок о бок и спасли друг другу жизнь!

– Прости, если обидел, – сказал Артем. – Отлично, давай поговорим начистоту, не утаивая друг от друга ровным счетом ничего. Подожди... – Он хлопнул в ладоши и громко позвал:

– Рётаро!

Дверь отъехала в сторону, и в нее просунулся сидевший на коленях слуга Рётаро.

– Принеси нам саке.

– Ты пьешь много саке, Артем-сан, – вдруг сказала девушка и впервые подняла голову, впервые открыто взглянула на Артема.

И вот тогда под взглядом ее агатовых миндалин он ощутил укол в сердце. Будто кольнули коротким женским кинжалом, *каи-кэн*.

– Я? Много? – пробормотал Артем. – С чего ты взяла, Ацухимэ-сан?

– Я увидела Омицу, подошла к ней, спросила у нее, как ты. Она ответила, что хорошо, только пьет много саке. И часто... – Ацухимэ мило наморщила лоб, что-то вспоминая, – и часто «ханадрит».

– Не так уж и часто, – вырвалось у Артема. «Ай-яй-яй, – тут же пришло ему в голову, – еще подумает, что я оправдываюсь. А это несолидно для большого феодала».

– И что ты еще успела узнать от Омицу? – может быть, с некоторой поспешностью задал он следующий вопрос.

– Мы говорили о ее будущем ребенке, – Ацухимэ вновь опустила взгляд. «Ну да, действительно, – подумал Артем, – об этом трудно не заговорить двум женщинам, когда одна ходит с животом».

– Я думаю, о женских делах можно будет поговорить в другое время, – Хидейоши сурово посмотрел на сестру. Потом снова перевел взгляд на Артема: – Ты хотел говорить прямо и открыто. Так вот слушай. Ты прав, двор пока не знает, как быть с тобой. Двор не знает, чего от тебя можно ждать. В Киото осведомлены обо всех твоих делах и начинаниях. И мнения высказывают разные...

– Ах вот как, осведомлены, – понимающе закивал Артем. – Впрочем, я и не сомневался в этом. Только вот хочется узнать, от кого в Киото получают сведения? Сам ведь понимаешь, есть некоторая разница в том, кто пишет донесения, друг или враг, доброжелатель или человек, за что-то на меня обиженный. Или вам разные люди пишут?

– Я не знаю, кто пишет, – сказал Хидейоши. И вряд ли, насколько Артем его знал, он обманывал. – Но о тебе говорят везде. Не только в императорском городке, в домах столицы, но и в Камакура.

– Я могу это подтвердить, – снова вмешалась в разговор Ацухимэ. – Женщины в Хэйан между собой только и говорят, что о Белом Драконе. Правда, больше обсуждают не дела и начинания, а высокий рост и белые волосы. Особенно волосы. Они гадают, какие могут быть дети у беловолосого великана и черноволосой девушки. Но это все лишь доказывает...

– Сестра! – в голосе Хидейоши прозвучали одновременно укор и мольба. – Я же сказал, о женских сплетнях вы поговорите позже.

Появился Рётаро с подносом. На подносе, разумеется, стояло все необходимое. Пока слуга расставлял плошки, кувшин, любимые Артемом крохотные деревянные стаканчики, все молчали.

Когда слуга закрыл за собой перегородку, первым вновь заговорил Артем:

– Ты мне все же не ответил, Хидейоши. А если я не поеду? Вот возьму и не поеду.

– Как же ты не поедешь?! – воскликнул Хидейоши. – Это же повеление императора!

– Как, как... А вот так! Не хочу я в вашу столицу! Мне и здесь хорошо. Чего я там забыл? Вот упрусь, и что тогда?

– Я не могу вернуться и сказать «Я не выполнил поручение». – Хидейоши всерьез задумался над словами Артема. Похоже, он ни с какого боку не рассматривал подобную возможность. – Я вынужден буду увезти тебя силой. Но у меня с собой мало людей, твоих самураев здесь гораздо больше. Тогда мы все погибнем. Это будет хорошая смерть – при выполнении приказа микадо.

Артем уже и сам не рад был, что затеял этот разговор.

– Хороши мы с тобой. Едва встретились, по бутылочке sake распить не успели, а уже «ты убьешь меня», «я пленю тебя». Ладно, – Артем махнул рукой. – Это, как правильно заметила Ацухимэ, «ханадра», и оттого все эти разговоры. Вот поживешь тут малость, выучишь слово «ханадра», научишься произносить его правильно, а главное, поймешь, что оно означает, тогда все наладится. А сейчас давай выпьем по глотку за встречу.

Глотнув, Хидейоши зашелся в кашле.

– Что это? – прохрипел чиновник.

Артем подмигнул:

– Сake номер два. Мой собственный рецепт. А то уж больно ваше sake дохленькое. Несерьезное. Пришлось припомнить, как это делается...

Как это делается, Артем знал по прошлой жизни – благодаря посещениям фургончика, где обитал цирковой конюх Михалыч. В сундуке, обклеенном вырезками из старых афиш, хра-

нился самогонный аппарат. Этот аппарат с самурайской верностью сопровождал конюха на всех гастролях. В том фургончике частенько собиралась теплая компания, к которой примыкал и Артем. Впрочем, воздушный гимнаст отведал михалычевского нектара всего однажды. Граммов тридцать всего-то и принял, так, чисто в исследовательских целях. Проба не произвела на непьющего акробата сильного и приятного впечатления, скорее наоборот. Однако что не потребовалось цирковому артисту, неожиданно пригодились древнеяпонскому феодалу. И в памяти услужливо всплыли объяснения Михалыча, как правильно выгонять чудесный напиток, неоднократно повторяемые им в фургончике, что называется, по просьбам трудящихся.

– Не бойся, – усмехнулся Артем, глядя, как прокашлявшийся Хидеёоши подозрительно нюхает странный напиток. – Не отравя. Неужели осведомители ничего не написали об этом в Киото?

Артем вдруг заметил, как Хидеёоши бросил быстрый взгляд на стаканчик Артема. Смотрит, пил ли сам Артем? Насторожило прозвучавшее слово «отравя»?

«Насторожило, – убедился Артем. – Вон каким взглядом стрельнул в меня».

Разговор и так-то не особо клеился, а теперь и вовсе грозил увянуть безвозвратно. Как-то все не так пошло... Если и дальше беседа старых приятелей станет развиваться в том же русле, то все запросто может закончиться ссорой и хватанием за мечи.

Надо было что-то сделать, как-то отвлечься, что ли.

Артем решительно встал.

– Пойдемте, покажу кое-что. Будете одними из немногих, кто это увидит. И уж точно – одними из первых. До вас только два человека это видели. Моя маленькая тайна. Тайна даймё Ямомото, если хотите. Хотя, признаюсь, сам до конца не пойму, что это такое и что это все означает... Ну, идемте же! Потом продолжим наш разговор...

Трудно сказать, удалось бы или нет уговорить Хидеёоши куда-то там пойти – вдруг бы ему в голову пришло, что даймё заманивает их с сестрой в ловушку? – но все решила Ацухимэ.

Девушка поднялась с соломенного коврика не менее решительно, чем сам Артем.

– Пойдем, – сказала она. Повернулась к брату: – Мы слишком давно не виделись, надо снова привыкать друг к другу. Поэтому наш разговор, как и sake Артема, лучше пить маленькими глотками.

Брат посмотрел на сестру, немного подумал и согласился.

Путь занял немного времени. Требовалось всего лишь подняться на последний этаж, ну и там еще чуток пройти, а потом еще немного подняться. И еще зажечь два фонаря-гандо.

Когда они оказались на месте с фонарями в руках, Артем подошел к сундуку. Откинул крышку, отступил в сторону, чтобы брат с сестрой подошли поближе и заглянули внутрь, и спросил:

– Ну как?

И приготовился насладиться произведенным эффектом.

Наслаждался, в общем-то, сполна. Эффект превзошел все ожидания. Ацухимэ вдруг повело, она оперлась рукой о стену, чтобы не упасть, зажала рот рукой. Хидеёоши закаменел лицом и телом. Артем заметил, как у чиновника подозрительно заблестели глаза. Неужели слезы?

Честно говоря, Артем рассчитывал на удивленные восклицания, на град вопросов, но такой реакции никак не предполагал. Да что же это такое?

– Откуда это у тебя? – выдавил Хидеёоши, наконец-то справившись с потрясением.

– Хотите знать откуда? – Артем пожал плечами. – Да Будды ради. Скрывать нечего. Но сперва скажите, что это такое?

– Потом, – неожиданно твердо произнес Кумазава. – Рассказывай.

– Ну ладно, так и быть, слушайте, детишки.

И Артем, рассказывая, вернулся мыслями к событиям, произошедшим четыре месяца назад...

Глава третья

БУДНИ ФЕОДАЛА (ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ БУХТЫ КАСАЙ, ГДЕ БЫЛИ ПОТОПЛЕНЫ МОНГОЛЬСКИЕ КОРАБЛИ)

Он имел все основания гордиться собой. Всего несколько месяцев назад он был никто, чужак, изгой, обреченный прятаться в горах и носу на люди не казать. Теперь же он полноценный даймё, местячковый барон, повелитель нескольких тысяч человеческих душ, с которыми может сделать что угодно – хоть на смерть послать, хоть милостями осыпать. Прямо скажем, неплохой взлет для простого циркового акробата.

И вдобавок ко всему он сделался владельцем замка рядом с городом Ицудо. Отныне (вот разве что неизвестно, как надолго) замку надлежало стать его домом, и этот дом следовало тщательно исследовать, хотя бы из соображений безопасности. Мало ли на какие сюрпризы богато строение из бутового камня, а сюрпризы, как известно, делятся на приятные и неприятные. А еще они делятся на те, что известны тебе одному, и те, что известны кому-то еще. Не очень бы хотелось, чтобы у тебя за спиной вдруг скрипнула потайная, замаскированная под часть стены дверца и этот «кто-то еще» выскользнул из нее с кинжалом в крепкой, безжалостной руке.

Нечто любопытное Артем обнаружил, даже еще не покинув личные покои. Отодвинул шелковую ширму с цветочным орнаментом и обнаружил...

– Чтоб мне не жить, натуральный потайной ход! – вырвалось у него.

Ну может быть, то был не классический, не хрестоматийный потайной ход. Хрестоматийный вроде бы должен уводить всенепременно под землю, в мрачное и сырое подzemелье с низкими каменными сводами, а потом выводить наружу где-нибудь за пределами замка. Этот же ход вел не вниз, а вверх.

Артем взял фонарь-гандо, зажег его, решительно ступил внутрь и оказался на узкой винтовой лестнице, по которой пришлось подниматься боком. Двоим нормальной комплекции людям тут было бы никак не разминуться... И не бывало тут, думается, более одного, если учесть, что лестница вела прямо из личных покоев гражданина даймё. Возможно, никто другой, кроме бывшего владельца замка, и не знал об этом ходе.

Лестница вывела его в самую верхнюю точку замка – на вершину башни, на свежий воздух. Ага, вот что, оказывается, мы тут имеем! Это у нас не что иное, как личная обзорная площадка бывшего владельца, откуда тот любовался видом своих владений. Не иначе, бывший любил на сон грядущий подняться сюда, подышать ночной прохладой, посмотреть, как несет службу караульная смена, не маячат ли где-нибудь вдали за рекой таинственные огоньки. В общем, кто его знает, что он там любил. Может, на луну смотрел, задрал голову, и думал свои, никому не ведомые думы.

– Лепота! – восхищенно выдохнул Артем, озираясь. – Лепота!

Отсюда открывался преотличный вид на крепостную стену, по которой сейчас тоже бродили часовые, в этом отношении ничего при новом хозяине не изменилось... Ну, а переведя взгляд за стену замка, можно любоваться, покуда не надоест, живописными окрестностями: зелеными холмами, извилистой желтой полосой дороги и горами на горизонте. При необходимости же можно перемахнуть через ограду, спустить ноги на опоясывающий башню карниз и с него уже прыгнуть на довольно широкий уступ нижнего этажа, до которого, правда, не так уж близко, метра три, но владеющий своим телом человек сумеет прыгнуть, не переломавшись, а бывший даймё чем-чем, а уж немощностью никак не страдал. И нынешний, к слову говоря, тоже этим самым недугом не страдает.

А почему бы и нет? Да, мальчишество, да, не самому последнему в стране Ямато феодалу вроде бы не пристали подобные развлечения, но, с другой стороны, феодалу нет нужды держать ответ перед кем бы то ни было, сам себе хозяин, сам перед собой ответчик. Ну вот взбрендило, блажь в голову зашла, с самодурами такое случается сплошь и рядом.

И Артем взял да и перемахнул через ограду, оказался с наружной стороны башни, утвердил ноги на карнизе, прошел по нему несколько шагов влево, примерился и спрыгнул. Вот спроси его кто-нибудь сейчас, зачем он это сделал, вряд ли ответ Артема отличался бы внятностью. Пробубнил бы что-нибудь вроде: «Надо иногда ломать стереотипы поведения, чтобы взглянуть на вещи с необычной стороны. Здорово помогает, между прочим, великие открытия только так и совершались». Но вряд ли бы это хоть для кого-то прозвучало убедительно...

Он мягко приземлился на полусогнутые ноги, удержал равновесие, опершись на руки. Как и следовало ожидать, прыжок не вызвал затруднений. Трюк для первого класса ЦИР-Ковно-приходской школы.

Артем бросил взгляд на крепостную стену – часовые его не заметили, ходят себе как ни в чем не бывало по стене, оглядывают подступы к замку. Внизу (а там под ним часть двора с коновязью, колодцем и засыпанной речным песком площадкой со стоящей на ее краю стойкой с бамбуковыми мечами и кожаными доспехами – здесь самураи в хорошую погоду упражняются в фехтовании и прочих боевых умениях) тоже не обратили внимание на странное поведение своего повелителя – все были чем-то заняты в это горячее времечко, недосуг головой вертеть туда-сюда. Получается, лишь один феодал мается от безделья, сходит от него потихоньку с ума. Но, с другой стороны, ведь так феодалу и положено согласно исторической правде, не так ли?

Он прошел по уступу до угла. А ведь, между прочим, он сейчас находится на крыше его родного третьего, господского этажа. И отсюда, что характерно, можно спрыгнуть на следующий уровень – на такой же плоский уступ, только малость *поирише* предыдущего, ну а оттуда и до земли останется всего пара прыжков. «Следует признать, маршрут экстренной эвакуации при той бурной жизни, какую приходится вести нам, средневековым феодалам, никак не стоит считать чрезмерной предосторожностью. В общем, правильно все тут zorganizовал прежний властелин».

(Ведь, воспользуясь в ту ночь Нобунага этим путем отхода, все для него могло сложиться иначе. Но Нобунага не расценил ситуацию как предельно опасную, когда только бегством спастись оставалось. Еще бы, к нему на этаж ворвались всего двое плохо вооруженных людей, причем одним из них была женщина. А вокруг Нобунаги плотное кольцо воинов. Ну какое может быть бегство по крышам! Словом, нет ничего хуже, чем неверная оценка ситуации. Это, между прочим, знает каждый цирковой дрессировщик...)

Ничего не остается – спрыгнул раз, придется прыгать и второй. Артем уж изготавился к прыжку, когда взгляд еще раз скользнул по башне... И только в этот момент он осознал, что уже давно пытается понять ее назначение. В самом деле, неужто это мощное сооружение, на постройку которого пошла прорва камня, воздвигнуто только для того, чтобы внутри находилась узенькая – не развернуться – лестница? Почему же было не сделать башню раза в два ниже и уже? К чему городить несколько десятков сяку⁵ кладки, не имеющей никакого дополнительного функционального назначения! Не слишком ли расточительно даже для крупного феодала?

А если все здесь не то, чем кажется? Если так разобраться, раз обнаружилась эта потайная лестница, то...

Без всякого труда спрыгнув на нижний уровень, затем еще ниже, а оттуда на землю, приземлился аккуратно на пути Фудзита, куда-то направлявшегося по своим делам. Стоит ли говорить, что у того челюсть отвисла чуть ли не до колен.

⁵ Сяку – мера длина, 30,3 см.

– Запомни навсегда и передай другим, – наставительно произнес Артем, отряхивая ладони. – Твой повелитель может свалиться вам на голову в любой момент. Отсюда вывод – никогда не расслабляйтесь, дети мои. Ну, а теперь за дело! Собственно, ты мне и нужен, Фудзита-сан. Поручение к тебе будет...

Скоро пред светлые очи нового хозяина был доставлен человек, заправлявший при прежнем даймё хозяйством замка и командовавший слугами. Так сказать, дворецкий. Ему по должности вроде бы полагалось знать замок, как самого себя. Он клятвенно заверил Артема, что знать не знает ни про какой тайный ход в башню, ни про винтовую лестницу, потому что в той части замка, где живет даймё, бывал всего несколько раз в жизни – никому не позволялось там бывать, кроме старших самураев господина Нобунага.

Тогда Артем решил зайти, так сказать, со стороны далекого прошлого. Когда построен замок? О, замок построен давно, еще при прежнем сюго, а им был отец покойного даймё Нобунага. Сохранились ли рисунки, по которым строили замок? Никогда не слышал про такое, а зачем они нужны? Мастера, строившие замок и знавшие все его тайны, конечно же, были умерщвлены сразу по окончании строительства? А кто их знает, давно это было. Ходили ли по замку слухи о том, что находится в башне? Нет. Какие легенды связаны с башней? А никаких.

Отвечая на последний вопрос, как показалось Артему, «дворецкий» запнулся. Что-то утаивает от любимого господина? Да и черт с ним. Вряд ли страшилки о призраках самураев, разгуливающих по ночам с головой под мышкой, чем-то серьезно помогут.

В общем, Артем понял, что и на сей раз не обойтись без помощи яма-буси. Он вызвал Фудзита и Касаи, поставил перед ними задачу. Те выслушали, не выказывая ни малейшего удивления. Фудзита лишь уточнил, как им быть, если поверхностный осмотр ничего не даст, насколько далеко заходить в своих изысканиях. «В пределах разумного, до основания замок разваливать не надо, – сказал на это Артем и добавил: – Но и особо не стесняйтесь. Если потребуется взломать пол в моих покоях или пробить стенку – взламывайте и пробивайте».

Артем не считал, что у него началась параноя, болезнь, свойственная, как известно, всем диктаторам. Нет, новоиспеченному даймё не чудились в каждом шорохе шаги врагов, а за каждой каменной плитой потайной ход, которым идут убийцы со смазанными ядом кинжалами. Просто стали вырабатываться здоровые рефлексy хорошего правителя – на подчиненных территориях, а особенно в непосредственной близости от сиятельной персоны не должно оставаться никаких загадок. И вообще, путёвому, правильному даймё должно быть известно, где, чего и сколько находится на его землях, и, между прочим, не помешает также знать, что творится в головах подданных. А как иначе? Иначе профукаешь власть, оглянуться не успеешь!

А вообще приятно быть автократом – отдашь приказ, и все бегут его исполнять, не задавая даже себе вопросов «а зачем, а почему, в чем суть и сколько за это заплатят». Причем бегут наперегонки, отпихивают друг друга локтями. Конечно, помимо ретивых, не рассуждающих исполнителей, эдаких деревянных солдат Урфина Джюса, следует окружить себя и такими, кто как раз таки посмеет спорить со своим повелителем...

Артем вернулся в свои покои вместе с Фудзита и Касаи, показал им потайной ход в башню. Исполнительные яма-буси принялись за работу. Со всей скрупулезностью осматривали каменную кладку, втыкали кинжалы в стыки между камнями, между досками пола, прикладывая ухо, тщательно простукивали стены рукоятями кинжалов. В общем, не приходилось сомневаться, что если на самом деле что-то есть, его яма-буси это «что-то» отыщут. Старательные ребятки, которым незнакомы такие слова, как «надоело» и «сколько можно долбаться впусую».

Конечно, горные отшельники – это вам не расейские работяги с хрупкой, ранимой душой, которых присутствие мастера угнетает, тревожит и мешает сосредоточиться на выполнении своих обязанностей, но все равно не стоило у людей над душой стоять. И Артем вышел из комнаты.

В том просторном квадратном помещении, где совсем недавно Артем и Омицу сражались с самураями Нобунага, сейчас задумчиво прохаживался Такамори. Его изувеченная самурайской катаной левая кисть до конца еще не зажила и под тряпицами, какими была замотана, как было известно Артему, лежали листья целебных растений.

Артем его не звал – значит, у него было какое-то дело, но не срочное, не из неотложных. Было бы неотложное – давно подошел бы к двери и позвал.

Артем поманил Такамори за собой. Они прошли по коридору к лестнице, ведущей на второй этаж. (Люк, куда чуть не провалилась Омицу и на дне которого во времена прежнего даймё устанавливали на ночь отравленные копейные острия, по приказу Артема заколотили – воздушный гимнаст считал это средство безопасности малоэффективным.)

Артем запрыгнул на лестничные перила, устроился на них, подогнув под себя одну ногу. Такамори встал рядом.

– Ну, что нового во владениях? – спросил даймё.

– Как ты велел, я отобрал людей и отправил их за ронинами...

Артем кивнул. Ронины – это хорошо, это то, что нужно. Много самураев, потерявших господина, болтается по провинции, занимаясь чем придется. Кто-то прибивается к деревенским феодалам, нанимаясь в качестве охранника или даже простого поденщика (некоторые из бывших ронинов, между прочим, и сами впоследствии выбиваются, на русский лад говоря, в кулаки). Другие – и таких уж никак не меньшинство – сбиваются в разбойничьи шайки, с одной из которых Артему однажды «посчастливилось» свести знакомство накоротке.

Прежнему сюго, даймё Нобунага, вменялось в обязанность бороться с разбойниками во вверенной ему провинции. Справлялся с этим Нобунага, надо отдать ему должное, весьма неплохо. Но вот Нобунага не стало, зато остались разбойники и преступники.

Артема никто не утверждал в должности сюго, то бишь военного губернатора провинции, однако как-то само собой подразумевалось, что до официального утверждения, буде таковое последует, именно ему выпадало исполнять обязанности сюго. Поэтому поиск преступников и борьба с разбойниками – это теперь его головная боль.

И вот пришла Артему в голову нехитрая идея убить разом двух зайцев, наняв ронинов к себе на службу, – для чего в разные концы провинции и были отправлены гонцы.

Конечно, вкусившие разбойничьей вольницы ронины – контингент еще тот. Махновщина, анархия-мать-порядка. Что ж, будем обламывать и строить, есть идейки, как это сделать. Главное, чтоб пришли. А должны прийти. Артем велел гонцам оглашать во всех селениях следующее воззвание, или ультиматум, называй, как хочешь: в течение трех дней прибыть к замку в городе Ицудо, известному прежде как замок Нобунага, и присягнуть на верность новому сюго, даймё Ямомото. Даймё Ямомото, известный как человеческое воплощение Белого Дракона, берет ронинов к себе в кэнин⁶. Те, кто не придет в Ицудо и продолжит разбойничать по лесам и дорогам, будут безжалостно истреблены даймё Ямомото.

Наверняка многие ронины испугаются гнева ужасного и могущественного Белого Дракона, который покровительствует новому даймё. (Ведь какие только страсти не рассказывают про него. Говорят, он наслал тайфун на флот монголов и потопил его весь, до последнего корабля. Что стоит такому справиться с какими-то жалкими ронинами!)

К тому же большинству из ронинов до смерти осточертела полуголодная жизнь в лесах, и они давно были бы рады поменять ее на что-нибудь достойное, да не на что было, никто ничего не предлагал...

Понятно, в указанные три дня подтянутся далеко не все. Но через месяц прибегут остальные. Потому что первых Артем решил осыпать милостями – определить каждому 150 коку риса в год и пообещать в будущем земельный надел. Где взять такую прорву риса или денег,

---

⁶ Кэнин – вассал.

даймё знал – один только доход от игорного бизнеса (Артем намеревался подобрать под себя все игорные заведения в провинции) даст ему эту сумму. А землю... Ну, это потом когда-нибудь, если все удачно сложится, да и обещанного, как известно, три года ждут. Тут ведь главное – зажечь для людей свет маяка, который куда-то манит, что-то хорошее сулит, – так жить и служить гораздо проще, гораздо веселее.

Весть о щедрости даймё разнесется быстрее эха в горах, и вскоре отбою не будет от ронинов. Можно забиться на что угодно – потянутся и из соседних провинций. И вот тут уж Артем не станет разбрасываться коку риса. И будет гораздо придирчивее в отборе кандидатов. А соискатели – в этом тоже можно не сомневаться – уже согласны будут служить и за меньшее жалование, чем первые, за гораздо меньшее.

Вот такую комбинацию он намерен разыграть. Чего уж там, ему позарез нужны были беззаветно преданные самураи, он сейчас остро чувствовал свое феодальное одиночество. На тех самураев Нобунага, что не совершили сеппуку, не ушли к сыну даймё Нобунага, а присягнули на верность новому даймё, Артем всецело полагаться не мог. Если кто-то вдруг убедит их, что даймё ненастоящий и прежнего их хозяина Нобунага он убил бесчестно... в общем, понятно. Артему нужны были свои, беззаветно ему преданные и всем ему обязанные самураи...

– Кстати, Такамори, как ты себя чувствуешь со всем этим... – Артем показал пальцем на мечи у себя за поясом, потом – на мечи за поясом Такамори.

– Непривычно – мягкое слово. Странно чувствую... Еще вчера самураи были смертельными врагами яма-буси, а теперь я сам самурай, должен брить лоб, вечно таскать с собой эти мечи...

– В общем, я тоже себя чувствую, мягко говоря, непривычно, – признался Артем. – Так что вместе привыкать будем. Как у тебя складывается с самураями Нобунага?

– Плохо, – сказал Такамори. – Они не принимают меня за ровню. Но раз даймё, которому они присягнули, наградил меня самурайскими мечами, им приходится держаться со мной вежливо. Однако даже если ты назначишь меня над ними старшим, приказов от меня они не примут.

– Ладно, – Артем беспечно махнул рукой, – это все пустяки, это нам не мешает, потом что-нибудь придумаем.

Затекла нога, и Артем спрыгнул с лестничных перил.

– Но, по-моему, ты сейчас на своем месте, Такамори? Или я не прав?

За последние дни под глазами Такамори нарисовались черные круги, из-за чего он стал казаться старше своих лет, которых, кстати, и сам не помнил. Однако неожиданно его глаза ожили.

– Наверное, ты прав, Ямомото-сан, – задумчиво произнес Такамори. – Нынешняя жизнь гораздо более полная, чем прежняя. Чем годами прятаться в горах и гадать, откуда придет опасность, лучше жить посреди этой опасности и подчинять ее себе... – Такамори усмехнулся. – А в ближайшее время наша жизнь, думаю, станет еще более полной и уж всяко более беспокойной. Удержать власть сложнее, чем ее захватить.

– Как ты знаешь, я и не обольщался насчет того, что сяду на правление и жизнь потечет сахарным ручьем.

– Но я пришел к тебе, господин, не для того, чтобы сообщить о гонцах к ронинам...

– Так что же случилось?

– Ничего особенного. Перехвачено письмо. Как ты велел, на всех путях, ведущих в соседние провинции, устроены засады. Ночью на дороге, ведущей к равнине Кинаи, остановлен письмоносец, у которого найдено письмо Тору Камикава.

– Кому оно написано?

– Сыну даймё Нобунага.

– Ну, этого следовало ожидать. Что он пишет?

– В письме он рассказывает сыну даймё, как погиб его отец...

– Уж в который раз, интересно, сын об этом выслушивает! И в письменном виде, и в устном. Хоть бы кто-нибудь подумал о сыновних чувствах. Впрочем, я перебил, продолжай.

– Тору Камикава пишет, что поединок был честным. Тору Камикава просит прощения у господина Нобунага за то, что не сделал сеппуку после того, как погиб господин даймё.

– Понятно, очередное самурайское извинение за то, что не вспорол себе живот. Дальше он, конечно, пишет, что не сделал харакири...

– Сеппуку, – поправил новосделанный самурай Такамори. – Он ушел бы из жизни благородно.

– Отлично, сеппуку. Пишет, что не сделал ее, потому что Белый Дракон, то есть я, позвал их спасти страну от варваров. Ради такой великой цели можно было и отложить собственную смерть. А после победы над монголами этот... как его... Тору Камикава поверил, что Белый Дракон послан им небесами и служить ему великая честь...

– Еще Тору Камикава пишет, что слово «самурай» означает «служить великому человеку». Белый Дракон, несомненно, великий человек.

– Ясно. Дальше следуют заверения в вечной любви и верности роду Нобунага, бла-бла-бла. Короче, намеков на заговор в письме нет?

– Пока нет, – Такамори выделил слово «пока». – Но неизвестно, что на уме у сына даймё. Если он задумает заговор против тебя, то легко найдет союзников среди бывших самураев отца.

– Да, ты прав, Такамори, – задумчиво проговорил Артем, – сына Нобунага нам не мешало бы заполучить в союзники...

– Или убить, – подсказал Такамори.

– Только после того, как он сам назовет меня своим врагом или нападет первым. Он же пока молчит и бездействует... А что, кстати, с письмоношцем. Надеюсь, человека отпустили целым и невредимым?

– Конечно. Перед ним извинились, письмо вернули, сказав, что ищут монгольских лазутчиков и он вызвал подозрения...

– Слушай, Такамори, – вдруг оживился Артем, – а может быть, нам самим предложить сыну Нобунага какой-нибудь союз, а? Не дожидаясь кинжала в спину? Как раз выйдет точно по твоему учению боряку-дзюцу – станем направлять события по своему выбору и усмотрению. В общем, подумай на досуге.

– Я подумаю, – Такамори сопроводил слова поклоном. – Когда ты начнешь, как ты называешь, вводить новшества?

– Мы уже об этом говорили. Спешить здесь нельзя...

Новшества следовало вводить постепенно. А будут новшества, не извольте сумлеваться, граждане подданные. Вас ждут перемены – и по части новых технологий, и по части общественного устройства. Но позже, позже...

– Я почему заговорил о новшествах, – вкрадчиво продолжал Такамори. – Как известно, сорняки следует выдегивать, пока они не созрели. Помнишь, ты рассказывал, что у вас в стране существует сословие людей, занимающихся тайным выведыванием и тайным устранением...

Договорить Такамори не сумел. В коридоре послышался топот ног, и в помещение выбежал Касаи. Что-то случилось – это было написано на его лице. Он остановился и выжидательно уставился на Артема. Ждет позволения заговорить, понял Артем.

– Говори, – сказал он.

– Господин, ты оказался прав.

(Артема все еще несколько коробило от того, что его товарищи по лесной жизни со вчерашнего дня стали обращаться к нему «господин». Но так и должно быть, и надо к этому привыкать.)

– Мы кое-что нашли.

- И что?
- Тайную комнату.
- Пойдем посмотрим...

Они, прихватив с собой и Такамори, прошли в личные покои Артема, ступили в потайной ход, гуськом поднялись по винтовой лестнице, вышли на площадку под открытым небом. Там их ждал Фудзита. Еще их там ждал обещанный Касаи сюрприз.

Шесть камней были выковыряны из пола и сложены кучкой. (Без вопросов ясно, каким инструментом воспользовались яма-буси – вон валяются алебарда и мечи.) Толстый деревянный люк, который прикрывали камни, был откинут, и под ним зиял темный квадратный провал.

- Да, это похоже на тайную комнату, – сказал Такамори.
- Сейчас разберемся, – подмигнул ему Артем.

Он наметился было спуститься первым – Такамори его остановил, отрицательно покачав головой.

– Он пойдет, – он показал на Касаи. Тот кивнул, взял уже зажженный фонарь-гандо и опустил в отверстие ноги. Посветил себе фонарем и сообщил:

- Здесь лестница.
- Осторожней давай. Она, наверное, гнилая, как болотный пень, – сказал Артем. – Прощупывай каждую перекладину.

Касаи начал спускаться. Остальные, облепив люк, смотрели сверху. Ничего, пока лестница выдерживала.

– Добрался до пола, – прокричал снизу Касаи. – До него не больше семи сяку. Здесь комната. Небольшая. В центре что-то лежит.

– Эй, осторожней там! – еще раз напомнил Артем. – Не дотрагивайся ни до чего! Просто посмотри!

Касаи двинулся в глубь таинственной комнаты, и они перестали видеть в провале люка отсвет фонаря-гандо. Какое-то время ничего не было слышно.

- Эй, ты живой?! Все в порядке?! – не выдержал Артем.

В ответ – молчание. Артем забеспокоился:

- Касаи! Где ты?! Отвечай!

Касаи внезапно появился возле лестницы и начал торопливо карабкаться вверх, оставив фонарь-гандо внизу. Его голова показалась над люком.

- Сокровище! – восторженно выдохнул он.
- Артем, Такамори и Фудзита переглянулись.
- Тогда надо спускаться, – сказал Артем. – Касаи, теперь ты останешься наверху.

Они по очереди спустились по лестнице, которая выдержала даже вес Артема. А не выдержала бы, ничего страшного – семь сяку не та высота, падая с которой, Артем мог бы разбиться. Даже если падать на камни.

Оказавшись внизу, Артем огляделся. Помещение – четыре на два с половиной метра, в углу – прямоугольных очертаний предмет, похожий на большой ящик. Больше вроде бы ничего в комнате нет.

В тайнике этом довольно сухо и никакой затхлости не чувствуется. Наверное, где-то здесь имеется вентиляционная отдушина. Поэтому, кстати, и не прогнила древесина лестницы.

Последним спустился Такамори, прихватив с собой еще один фонарь-гандо, и вот теперь уже можно было все как следует разглядеть.

Прямоугольных очертаний предмет оказался сундуком.

- Может, не стоит трогать, вдруг что? – Фудзита говорил шепотом.
- Ну уж нет, в моем замке я должен знать, что и где лежит. – И Артем откинул крышку сундука.

– Демоны небес, вот это да! – вырвалось у Фудзита.

Артем же был несколько разочарован увиденным. Он уже успел настроиться на созерцание сокровищ, которые рисовались ему в виде наваленных грудой золотых чаш, тарелок, кубков прочих блестящих безделиц, а также разноцветных драгкамней. Конечно, разум подсказывал, что в бедной Японии неоткуда взяться подобнымкладам, но... кто его слушает, этот разум?

В сундуке же оказались доспехи... Обыкновенные, на первый взгляд, пластинчатые. Разве что полный комплект: рогатый шлем с назатыльником, полумаска с лицевыми пластинами на шнурах, состоящая тоже из пластин разной величины кираса, наплечники, набедренник и наголенник. Поверх всего лежала отдельная пластина (нагрудная, как догадался Артем по полукруглому вырезу для шеи).

Ну, доспехи и доспехи, подумал Артем. Восхищение они могли вызвать разве что у Фудзита.

Такамори протянул руку и провел ладонью по кирасе, постучал по ней согнутым пальцем.

– Из металла, покрытого прокопченной буйволовой кожей, – сказал он. – Это очень дорогой о-ёрой⁷.

Понятно, что дорогой, раз из металла. Как может быть иначе, когда, в основном, здешние воины могут позволить себе лишь доспехи из лакированных дощечек, а у кого имеются кожаные, тот уже богат.

– Ну и что они тут делают, почему их тут спрятали, кому они принадлежали, какое твое мнение, Такамори?

Мнением Фудзита Артем не поинтересовался. Фудзита хорош, когда надо оттащить какой-нибудь тяжеленный камень или сдвинуть с места плиту, но уж никак не отличается великой глубины рассуждениями или искрометными догадками.

– Наверное, это доспехи рода Нобунага, – не очень уверенно произнес Такамори. – Ничего другого мне в голову не приходит.

– Если вместе с доспехами мы бы нашли чьи-то мощи, вопросов было бы меньше, – сказал Артем. – Стало бы понятно, что мы нашли чей-то склеп. Но зачем потребовалось прятать одни лишь доспехи? Именно прятать, когда их обычно вывешивают на видном месте и гордятся ими. М-да... В общем, так: оставляем все как было. Нам это добро ни к чему. Но раз его прятали от посторонних глаз, значит, на то была причина. Посему все возвращаем в прежний вид, пусть так и остается. И никого другого посвящать в нашу маленькую тайну мы не будем.

Артем захлопнул крышку сундука...

---

⁷ О-ёрой – буквально переводится как «большой доспех», вид японских доспехов, наибольшее распространение получил во время войны самурайских домов Тайра и Минамото (1180–1185).

Глава четвертая ДОСПЕХИ ПОЛУБОГА

– И все же ты привел нас сюда, показал доспехи, решил посвятить в свою маленькую тайну... почему? – спросил Хидейоши, не отрывая взгляда от содержимого сундука.

– А что в том такого? – пожал плечами Артем. – Кому еще показывать, как не вам. Вам я доверяю. Вы знали меня в то время, когда я не жил в замке, не имел собственных самураев и когда ко мне не обращались почтительно «господин Ямомото».

– Ты правильно поступил, – сказала Ацухимэ. – Вздумай ты показать доспехи кому-нибудь другому... даже не знаю, что могло бы быть.

– Как тебя понимать? – спросил Артем. – Что значит это твое «могло бы быть»? Это всего лишь доспехи, а не сокровище. Не слитки золота и не горы серебра, за которые любому могут перерезать горло от уха до уха, даже не побоявшись гнева Белого Дракона, не говоря уж про гнев человеческий.

– Это не просто доспехи, Ямомото. – Хидейоши достал из сундука пластину цубоита⁸, на кожаном покрытии которой можно было разглядеть изрядно затертое тиснение из золотистых бабочек, хризантем и звезд. Кумазава провел ладонью по исцарапанной, истыканной стрелами, а в некоторых местах и до металла рассеченной поверхности пластины, с величайшей нежностью провел – не всякая женщина удостоивается того, чтобы ее так гладили.

– Это о-ёрой Тайра Томомори, последнего из рода Тайра, Артем, – сказала Ацухимэ. Произнесла она это тихо и торжественно. Таким голосом в мексиканских сериалах обычно открывали страшные тайны деторождения: «Знай же, Педро, Хосе Акасусо – твой сын».

Можно поклясться, что девушка была уверена – услышав о том, что в сундуке хранится не что-нибудь, а собственность самого Тайра Томомори, Артем испытает нешуточный трепет. Увы, ничего похожего на трепет Артем не испытал. Ну, Томомори и Томомори. А кто это собственно такой?

– Вы уверены, что это те самые доспехи, – спросил Артем, – а, скажем, не доспехи какого-нибудь выдающегося представителя рода Нобунага?

– Это о-ёрой Тайра Томомори, – твердо и непреклонно сказал Хидейоши. Как печать поставил. – Имя этого доспеха «Число дней». Его невозможно перепутать ни с каким другим. Все в точности такое, как описано в хрониках. Вот посмотри...

Он вытащил из сундука пластину с полукруглым вырезом.

– Ты видишь боси на этой мунаита? Посмотри еще раз на цубоита и тоже увидишь боси. Видишь?

Артем рад был бы ответить «да», однако никаких боси, то бишь звезд, он и близко не видел. Его замешательство не укрылось от Хидейоши даже в полутьме потаенной комнаты.

– Да вот же! И вот, вот, вот! – Хидейоши пальцем тыкал в небольшие круги на пластине⁹. – Возьми фонарь, рассмотри поближе весь доспех, и ты увидишь боси на наплечниках-содэ, на татэагэ¹⁰ и на других пластинах. Пересчитав их, ты насчитаешь 364 звезды, я уверен в этом. 364 – по числу дней лунного года. Теперь обрати внимание на шнуры. Они похожи

---

⁸ Цубоита – дословно «узкая пластина». Цельнометаллическая. Пристегивалась застежками-такахимо к переднему и заднему краям накагава (четыре горизонтальных ряда пластин, которые начинались от правого бока, шли спереди туловища, огибали левый бок и по спине возвращались к боку правому). Чтобы цубоита надежнее держалась на теле самурая, ее подерживал шелковый шнур, перекинутый через левое плечо.

⁹ Мы, люди западной культуры, привыкли к тому, что звезды у нас изображают в виде геометрических фигур с разным количеством лучей. В японской изобразительной традиции все по-другому. Звезда – это небольшой круг, отличающийся от изображения Солнца только меньшими размерами.

¹⁰ Татэагэ – три ряда горизонтальных пластин поверх набрюшника.

на водоросли, разве не так? Это манера плетения называется омодако-одоси. «Пластины по числу дней и шнуры-водоросли» – так и сказано в хрониках. Теперь взгляни на панцирь. Он покрыт тигровой кожей, и на нем вытиснены журавли и хризантемы. А посередине – видишь? – тисненый кленовый лист. По легенде, один из древних Тайра попытался укрыться от внезапно хлынувшего с неба дождя под одиноко растущим кленом. Но одновременно с ним к дереву примчался и другой человек, одетый как странствующий воин. Под кленом же места хватало только одному. Никто из воинов не хотел уступать, поединок был неминуем. Как положено, они назвали себя. Услышав имя Тайра, странствующий воин вдруг убрал руку с меча, почтительно поклонился и сказал, что не поднимет руку на того, кого Небо избрало для спасения императора. Сказав это, странствующий воин вышел из-под клена и скрылся в пелене дождя. В семье Тайра считали, что тот странствующий воин был посланником бога войны Хатимана и говорил словами бога. В память о встрече с посланцем Хатимана многие Тайра изображали на своих доспехах кленовый лист.

– Цвет шнуров о-ёрой, как ты видишь, Артем, алый. Алый – это цвет дома Тайра. – Ацухимэ прикрыла глаза и произнесла нараспев: – «В темно-синем кафтане, окаймленном алой парчой по вороту и рукавам, опоясанный мечом с серебряной насечкой, сел он на коня. Конь у него был вороной масти, рослый, могучий, сбруя увешана кисточками из алых шелковых нитей, лакированное седло украшено выложенным перламутром листом клена и цветком омелы. Двурогий шлем, украшенный алыми лентами, Томомори снял и повесил через плечо на шнурах, а под мышкой держал лук, туго оплетенный лакированным пальмовым волокном»¹¹.

– А вот тот самый двурогий кабуто Тайра Томомори. – Хидеёоши извлек из сундука рогатый шлем. – Подробное описание его тоже приведено в хрониках. Три полосы-синодарэ из позолоченной меди. Кольцо-тэкэн в виде хризантемы. На коже фукигаэси тоже нарисованы хризантемы, также на фукигаэси ты видишь десять фукурин в виде позолоченных карабоси¹².

– Хорошо, вы меня убедили, это тот самый о-ёрой, – сказал Артем, небезосновательно опасаясь, что разбор доспехов на составные части может затянуться надолго, поскольку об оружии, доспехах и прочих воинских атрибутах самураи могли говорить до бесконечности. – Как вы говорите, звали прежнего владельца? Тайра Томомори? Последний из рода Тайра, говорите? Это имеет отношение к войне Тайра – Минамото?

– Конечно, Артем, это имеет отношение к войне Гэмпэй¹³, – сказала Ацухимэ. – Со смертью Томомори эта война закончилась.

– Ты меня разочаровал, Ямомото, – без всякой иронии произнес Хидеёоши, укоризненно покачав головой. – О войне Гэмпэй мы говорили с тобой в плену еще четыре месяца назад. Ты тогда мало о ней знал, и это понятно. Но прошло целых четыре месяца, а ты не пополнил свои знания.

– Да мне тут с днем сегодняшним никак не разобраться, куда там забираться в далекое прошлое, – сказал Артем.

– Прошлое весьма недалекое, – сказал Хидеёоши. – Еще живы некоторые участники той войны.

– Хорошо, – Артем приложил руку к сердцу. – Мне стыдно, готов признать, что я во всем не прав и четыре месяца прошли впустую. Не об этом речь. Вы мне скажите поскорее, что ж такого необычного в этих доспехах? Их выковала лично богиня Аматерасу? Они покрыты

¹¹ Несколько переделанное описание из «Хэйкэ моногатари», «Повести о доме Тайра».

¹² Тэкэн – кольцо, окружающее отверстие на вершине шлема. Фукурин – заклепки. Карабоси – буквально: «пустые звезды», полые внутри заклепки. Фукигаэси – загнутые вбок и назад пластины для защиты лица.

¹³ Война Гэмпэй – самая знаменитая самурайская война, продолжавшаяся с 1180 по 1185 г. Война между самыми влиятельными в то время самурайскими кланами Тайра и Минамото. Все прочие самурайские кланы в те годы тоже не оставались в стороне, поддерживали либо одну, либо другую сторону. Слово «Гэмпэй» образовано сочетанием знаков, входящих в состав имен Тайра и Минамото в китайском произношении: «Гэндзи» и «Хэйкэ». В сочетании получалось «Гэмпэй».

кожей дракона? Есть предание, согласно которому нашедший доспехи рано или поздно станет императором?

– Ты зря шутишь над этим, Артем, все очень серьезно, – с ноткой укоризны произнесла Ацухимэ. – Ты просто ничего не знаешь о последнем сражении войны Гэмпэй, сражении при Данноура¹⁴. Я расскажу тебе.

Ацухимэ присела на край сундука.

– Пятилетняя война подходила к концу. Киото уже давно заняла армия Минамото, руководимая Минамото Ёсинака и Минамото Юкииэ. Они привели в Киото и посадили на трон императора-монаха Го-Сиракава. Тайра вынуждены были, забрав с собой малолетнего императора, отступить на свои исконные родовые земли, к Внутреннему морю. Первая попытка добить Тайра на их территории окончилась полной неудачей: армия Ёсинака была разгромлена при Мидзусима, а армия Юкииэ – при Мураяма. Может быть, следующий поход против усталых воинов Тайра и принес бы удачу армиям Минамото, но Тайра неожиданно получили передышку. Из-за всех этих неудач и из-за того, что каждый из военачальников дома Минамото считал себя главным творцом побед и не хотел ни с кем делить славу и власть, начались распри внутри дома Минамото. Минамото Ёритомо и Минамото Ёсицунэ, находившиеся со своими армиями в Камакура, обвинили Ёсинака и Юкииэ, находившихся в Киото, в тайном сговоре с Тайра и двинули свои армии на Киото. Армия Камакура и армия Киото сошлись на переправе через реку Удзи. Самураи Ёсицунэ наголову разгромили самураев Ёсинака в сражении у реки Удзи...

Ацухимэ прикрыла глаза, и Артем догадался, что она вновь собирается процитировать хронику. Так и вышло.

– «Год назад он прибыл из Синано с пятидесятитысячным войском, а теперь бежал вдоль русла реки всего с шестью приближенными и затерялся в мрачных сумерках нижнего мира». – Когда Ацухимэ приводила отрывки из хроник, у нее в голосе явственно прорезывались напевные интонации былинного сказителя. Артем знал, как девушка Ацухимэ любит всевозможные истории о деяниях самурайских. Любит гораздо больше, чем истории дел сердечных, даже больше стихов о любви. И не просто любит, а и с удовольствием их пересказывает.

– Со смертью Ёсицунэ, – продолжала она, – внутри дома Минамото установилось временное затишье, и теперь они могли довершить начатое – поставить точку в долгой войне. Армия Минамото отправилась в последний поход против Тайра, чтобы окончательно покончить с ненавистным домом...

– А где же доспехи? – спросил Артем. Не то чтобы ему наскучил народный самурайский эпос... скорее, наскучило переминыться возле сундука в полутьме крохотной каморки.

– Я не понимаю тебя, Ямомото, – голосом недовольного наставника произнес Хидеёоши. – Ты же хотел больше узнать о войне Гэмпэй.

– Свечи в фонарях скоро сгорят, в темноте выбираться будет несподручно, – сказал Артем. – Впрочем, ладно. Так что же там Минамото?

– Свечи в фонарях сгорят еще не скоро, Артем, – с игривой усмешкой сказала Ацухимэ. – Во всяком случае, не раньше, чем падет дом Тайра, до падения которого осталось уже совсем немного. Осталось всего три эпизода. Первый – сражение при крепости Итино-тани. Там погибнет множество сторонников Тайра, это станет страшным ударом для Тайра. Но все же удар не будет смертельным – большая часть армии Тайра успеет погрузиться на корабли и выйти в море. А главное – они сумеют вывезти из крепости малолетнего императора и ларцы с императорскими регалиями. Флот Тайра укроется в Ясима, базе Тайра на Сикоку. Второй эпизод – нападение отрядов Минамото на Ясима. Это случится через полгода после битвы при Итино-тани. Выбитые из Ясима Тайра снова погрузятся на корабли и отплывут на этот раз

¹⁴ Песчаная отмель на острове Хонсю.

на Хикосима, в свой последний оплот. Флот Минамото станет преследовать их. И когда этот флот подойдет к Хикосима, флот Тайра под своими алыми флагами выйдет в море, чтобы дать бой своим злейшим врагам, потому что отступать уже некуда, потому что все время бежать от битвы – позор и потому что, как думали Тайра, на море они сильнее Минамото. А думали они так не без оснований – многие поколения Тайра были мореплавателями, именно Тайра усмирляли пиратов на побережье Внутреннего моря и на берегах Кюсю¹⁵. Командовал алым флотом Тайра Томомори...

– Ага! И господин Томомори был вот в этих самых доспехах, – Артем показал на сундук.

– Неизвестно, когда он облачился в доспехи, – сказал Хидеёоши. – Или он уже взошел в них на борт, или надел их перед тем, как... Впрочем, дослушай сестру, и все поймешь.

– Теперь представь себе, Артем, такую картину, – вновь заговорила Ацухимэ. – Песчаная отмель острова Хонсю, носящая имя Данноура. С одной стороны выстроились в одну линию украшенные алыми флагами четыре сотни кораблей Тайра, с другой – разбившиеся на три эскадры восемь сотен кораблей под белыми флагами Минамото. Раннее утро. Тишина перед битвой. Уже приготовлены луки. Тетивы еще не оттянуты, но вот-вот руки выхватят из колчанов первые стрелы. Над морем разносятся звуки одинокой флейты...

Выражение лица рассказчицы при этом сделалось столь мечтательным, что Артем ничуть не сомневался – Ацухимэ ни секунды бы не колебалась, предложи кто-нибудь перенести ее волшебным образом в тот день, не отказалась бы от возможности увидеть своими глазами знаменитую битву.

– Начавшийся прилив, как и рассчитывали Тайра, потащил их корабли на корабли Минамото. Когда суда оказались на расстоянии полета стрелы, началась перестрелка. Приливное течение было несильным, поэтому перестрелка длилась очень долго, несколько часов. Дом Тайра всегда славился меткими стрелками – во многом благодаря своим лучникам они и побеждали пиратов. И на этот раз стрелки не подвели – пронзенные их стрелами, один за другим падали самураи Минамото. Ободренные удачей лучников самураи Тайра с нетерпением ждали, когда два флота сойдутся в море, их боевой дух был велик, они верили, что смогут одолеть врагов, оказавшись на палубах их кораблей. Кто знает, как бы сложилась дальнейшая битва, но тут вдруг строй кораблей покинули суда Тагути Сигиэёси, одного из соратников Тайра. Гребцы изо всех сил налегли на весла, держа курс на флот Минамото. Никто ничего не мог понять до тех пор, пока по приказу Тагути Сигиэёси на этих кораблях не стали поспешно спускать алые флаги Тайра. Тогда стало ясно, что Сигиэёси предал Тайра и перешел к его врагам. А вскоре стало ясно, что он не просто перешел на сторону Минамото, а еще и выдал, на каком корабле находится малолетний император и императорские регалии. Незамедлительно ёсицунэ, командовавший флотом Минамото, отдал приказ всем своим силам устремиться к тому самому, одному-единственному кораблю и атаковать его. Тут Тайра Томомори стало не до выбора стратегии, стратегия ему оставалась только одна – всеми своими силами защищать корабль с императором на борту. И вот получилось так, что все корабли под алыми флагами сгруппировались в кучу, а их со всех сторон обступили белофлаговые корабли Минамото. Очень скоро в сражении наступил перелом – самураи Минамото стали брать верх.

Ацухимэ, как поступает всякий рассказчик во время длинных монологов, взяла небольшую паузу – перевести дух. Что мог сказать в эту паузу Артем, если бы захотел откомментировать услышанное? Да, наверное, мог бы сказать: одни хотят взять власть, другие не хотят ее отдавать, одни предают, другие верны до конца.

---

¹⁵ К слову говоря, мореплавание в Японии в начале тринадцатого века было малоразвито. Рыбаки, пираты и те, кто боролся с пиратами, – вот и весь набор мореплавателей. Никакого военного флота и флота торгового. Торговые перевозки между Японией и Китаем, Японией и Кореей осуществляли китайские купцы на китайских кораблях.

– И настал момент, – продолжила девушка, – когда Тайра Томомори понял, что сражение проиграно. Он перешел со своего корабля на императорский и сказал, что все потеряно и остался только один выход – достойно уйти из этого мира. После его слов находившиеся на императорском корабле люди вознесли молитвы великой богине Аматаэрасу и Будде. Закончив молитву, бабка императора взяла восьмилетнего внука на руки и со словами «Там, на дне, под волнами, мы найдем другую столицу» бросилась в волны. Тайра Норимори и Тайра Цунэморы привязали к себе по якорю и прыгнули за борт, взявшись за руки. Сукэморы, Аримори и Юки-мори тоже покончили с собой, бросившись за борт. Лишь Мунэморы опозорил клан Тайра – он долго в нерешительности стоял у борта, пока его собственный самурай не столкнул его в воду, не в силах смотреть на позорное поведение своего господина. Но Мунэморы не пошел ко дну, а поплыл к кораблям под белыми флагами и дал пленить себя самураям Минамото. Недаром про этого Мунэморы острая на язык бабка императора однажды сказала, что он не Тайра, а сын торговца зонтиками, у которого Тайра выменяли его на новорожденную девочку.

Ацухимэ вздохнула, нахмурившись.

– Очень не повезло в этот день двум женщинам. Матери юного императора – ее боевыми вилами выловил один из самураев Минамото и втащил на борт своего корабля. И жене Тайра Сукэморы – один из лучников Минамото метким выстрелом пригвоздил ее одежду к палубе, когда она собиралась перешагнуть борт...

(Артем не удивлялся тому, что Ацухимэ без запинки шпарит именами воинов, участвовавших в сражении пятидесятилетней давности. У здешних буси, то бишь воинов, не было какого-то единого кодекса, в котором было бы прописано, как надлежит поступать правильно, а как не след. Обучались самурайскому поведению на легендах и исторических преданиях. Оттуда брались примеры достойного поведения и, соответственно, недостойного. Скажем, покончить с собой – это, по здешним понятиям, бесспорно, пример хорошего.)

– Следом за самими Тайра их самураи один за другим стали убивать себя, – рассказывала Ацухимэ. – Последним покончил с собой Тайра Томомори. Он надел эти доспехи, которые ты сейчас имеешь счастье созерцать, поверх них еще одни доспехи, чтобы стать тяжелее, и бросился за борт. С его смертью не стало большого и могущественного клана Тайра...

Ацухимэ сделала небольшую паузу, не иначе для того, чтобы дать Артему прочувствовать значимость исторического момента.

– Все закончилось, – сказала она. – Корабли под белыми флагами скрылись вдаль. Клоузы изрубленных, изорванных алых знамен устилали воды Данноура. Морские течения унесли опустевшие, уже не подгоняемые гребцами и не управляемые кормчими корабли дома Тайра, чтобы разбить их где-нибудь о скалы или выбросить на далекий берег. Воды Данноура опустели и пусты стоят до сих пор, потому что мореплаватели и рыбаки обходят их стороной. Со дня последнего сражения войны Гэмпэй беспокойно стало в водах Данноура. Рассказывают, что каждую ночь в волнах блуждают призраки Тайра и их самураев. Даже с берега можно видеть горящие уголья их глаз, видеть лунный отблеск на их клинках, можно слышать их голоса. Призраки проклинают предателей и вызывают на поединок самураев Минамото. Горе тому моряку, кто окажется поблизости, – призрачные самураи могут принять его корабль за корабль Минамото и перевернуть его. А в ночь полнолуния вся призрачная армия Тайра поднимается со дна морского, выходит на берег, строится и ждет, не покажутся ли в залитом лунным светом море белые флаги их злейших врагов. И если вдруг какой-то человек увидит призрачную армию Тайра, то он забудет покой и до самого смертного часа больше не сможет спать по ночам. Но и днем моряки обходят Данноура стороной – говорят, что из-под воды доносятся голоса, и эти голоса сводят людей с ума.

– Говорят, что души погибших в тот день самураев заключены под панцирями крабов-хэйкэ, живущих на дне Данноура, – сказал Хидеёоши. – Поэтому местные жители не ловят там ни крабов, ни рыбу. Ни в водах Данноура, ни даже поблизости от них.

– Призраки охраняют подводный покой Данноура, – дополнила брата Ацухимэ, – и сторожат вещи и сокровища, что лежат на дне...

Брат и сестра, образованные по здешним меркам люди, говорили о призраках на полном серьезе. Как о вещах неоспоримых. И уж чего Артем не собирался делать, так это полемизировать на тему «Привидения – мифы или реальность?». Во-первых, какими аргументами крыть? Не будешь же ссылаться на журнал «Наука и жизнь»? А во-вторых, и в том времени, откуда сам Артем был родом, то есть в ядерно-телевизионном времени, в призраков продолжали верить, несмотря ни на какие научные открытия и технический прогресс. И в-третьих... после того, что с ним самим приключилось с тех пор, как он сорвался из-под купола цирка, Артем не мог исключить уже ничего, даже призраков.

– Но кто-то же поднял со дна доспехи, не испугавшись призрачных армий? – сказал он.

– Да, кому-то призраки Данноура отдали подводное сокровище, – согласился Хидейоши. – Может быть, самому Нобунага, может быть, кому-то из его самураев... или совсем другому человеку, от которого потом доспехи неведомым образом попали к Нобунага...

– Кстати, не заявятся ли рано или поздно призраки за своими доспехами в наш тихий Ицудо? – Артем, конечно, шутил... но вдруг поймал себя на мысли, что в этой шутке есть и что-то невеселое.

– Я не слышал о том, чтобы призраки путешествовали за сотни ри от места своего обитания, – успокоил его Хидейоши.

– Между прочим, – Артем запустил руку в сундук и вытащил первое, что попало под руку, – пластину цубоита, – доспехи не слишком долго пролежали на дне. Иначе соленая вода основательно бы их разъела. Впрочем... может они и вовсе не на дне лежали.

– То есть как? – удивился Хидейоши.

– Да так, – пожал плечами Артем. – А если Тайра Томомори вовсе не эти доспехи надел, а совсем другие? Хроники же могут ошибаться! А эти доспехи он мог оставить на корабле. Корабли Тайра, как вы говорите, разнесло по морю по воле волн и ветров. Носило, носило там, пока не прибило к берегу. На него кто-то наткнулся, обыскал от палубы до днища и, естественно, прибрал к рукам все, что нашел.

– Хроники не могут ошибаться, – непреклонным тоном заявил Хидейоши. – Ты говоришь, вода бы разъела железо? Ты не забывай, Ямомото, что дно Данноура охраняли призраки, и они, конечно, пользовались волшебством, чтобы сберечь подводные сокровища.

– А, ну да, – закивал Артем, – волшебство. Действительно. Как же я недогадлив. Ну да ладно, вы мне вот что скажите. Почему я никому не должен говорить о доспехах, никому не могу их показать?

– Ты иногда проявляешь чудеса сообразительности, а порой страшно недогадлив, как... – Ацухимэ так и не подобрала необходимого сравнения.

– Потому что о-ёрой Тайра Томомори – это знамя, – сказал ее брат. – Представь себе, что кто-то, пусть тот же Нобунага, поднял бы мятеж. За ним пошли бы его вассалы. Но что остальные? Как убедить людей последовать за собой? Трудно их убедить, что ты избран Небом, правда? Однако если на тебе увидят доспехи Тайра Томомори, историю которых знают все самураи от мала до велика, то никто не усомнится в твоей избранности. Все знают – призрачная армия Тайра не могла отдать этот о-ёрой обыкновенному человеку. И об этом стали бы думать люди и, думая так, присоединялись бы к Нобунага. Вот почему Нобунага прятал ото всех доспехи Томомори – разнесись о них слух, и кто-то бы обязательно попытался до них добраться. Это стало бы его знаменем, которое он собирался развернуть в день своего выступления. Возможно, предательство и мятеж он замыслил, когда стал обладателем этих доспехов, а не наоборот... Я знаю, на тебя было несколько покушений. Не в этом ли сундуке лежит их причина?

– Да ну, доспехи тут ни при чем! – отмахнулся Артем. – Мои люди никому не могли о них проболтаться!

– Не только твои люди знали о них. О них мог знать сын Нобунага или кто-то из бывших самураев Нобунага.

– Да, Бычий Дьявол¹⁶ у меня уже в печенках, я как-то об этом не подумал, – Артем, морщась, почесал затылок. – А теперь осведомленного народа становится еще больше. Вот скажи, Хидейоши, сможешь ли ты смолчать о доспехах, когда будешь докладывать сиккэну о своей поездке в Ицудо?

– Об этом я еще не думал, – признался Хидейоши.

– Вот то-то... – Артем вздохнул. – Ой, чувствую, скоро вся страна узнает, в каком таком тайном месте лежат доспехи.

– Быть может, тогда тебе стоит взять их с собой и подарить императору? Это будет великолепный подарок, лучший знак твоей преданности.

– А ведь это мысль, – согласился Артем. – Но ее следует тщательно обдумать. В этом есть что-то глубоко правильное для меня и для императора...

– Обдумывать придется в другом месте, – Ацухимэ подняла с пола фонарь. – Свечи догорают.

– Пойдемте на воздух, – Артем с готовностью шагнул к лестнице. – А то еще и впрямь нагрянут какие-нибудь призраки...

Первое, что услышал Артем, выйдя на воздух, – это свое имя, выкрикиваемое чьим-то охрипшим голосом. Голос раздавался, разумеется, снизу. Не с неба же...

Артем перегнулся и увидел мечущегося по двору слугу Рётаро.

– Я здесь! – крикнул Артем, сложив руки рупором. – Что стряслось?

– Господин! – Рётаро задрал голову. – Пришел господин Тадзука и... и... второй господин. Говорят, вы сами позвали их.

– А, черт, я и забыл с этой хандрой, – пробормотал под нос Артем. Снова сложил руки рупором: – Веди их в сад. Пусть там ждут.

Обернулся к брату и сестре Кумазава.

– Придется мне вас ненадолго оставить. Два самурая, господин Йосида и... какой-то еще господин, имя которого так сразу и не припомнишь, не могут что-то там поделить, и только я могу их рассудить, больше никому. Я бы их прогнал взашей, но несколько дней назад я же сам и назначил им этот день и это время. Это ненадолго...

---

¹⁶ Иёно усioni, изображается в виде существа с туловищем быка и головой черта, персонаж японского народного фольклора.

Глава пятая

ПРЕРВАННЫЙ ПРОЦЕСС ИЛИ ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС, КОТОРЫЙ ИСПОРИЛ САМУРАЕВ

Поскольку именно Артем выполнял обязанности военного губернатора (сюго), то ему приходилось разбирать дела между самураями. Артем ненавидел эту работу. А поскольку гражданский губернатор (дзито) ненавидел ее еще больше и возлагать сию ношу на себя категорически отказывался, то он, как и прежде, занимался только разбором тяжб между простыми, несамурайского звания людьми, что было не в пример легче.

Если бы можно было в кратчайшие сроки создать эффективную судебную систему хотя бы в пределах одной провинции, то Артем ее бы создал – лишь бы спихнуть на кого-нибудь обязанности арбитра. Но – увы. И приходилось заниматься этой мурой самолично.

– Чтоб вы не скучали, – сказал Артем, первым спускаясь по винтовой лестнице, – позову Такамори, пусть отведет вас в специальную комнату и научит игре с непроизносимым названием «бильярд». Мои самураи, чтобы не ломать язык, называют ее просто – «Битва шаров». Кстати, игра им нравится.

– Очень интересно будет взглянуть на неизвестную забаву, – сказал Хидеёоши, – и думаю, у нас найдется для этого время. А сейчас я бы хотел присутствовать при разборе тяжбы. Ты позволишь?

«Ну да, конечно, – подумал Артем. – Он же тут, считай, с инспекцией, ему потом доклад начальству делать, надо собирать материал». И вот что любопытно – ну ни капли Артем не беспокоился насчет того, каким получится этот доклад.

– Я бы тоже хотела посмотреть, – попросила Ацухимэ. Они только что покинули потайной ход, и Артем задвигал ширму.

– Что с вами поделаешь, – вздохнул даймё. – Пошли уж...

Народу в саду собралось немало. Ну, двое спорщиков, это понятно. Неизвестный, одетый как странствующий монах. Не иначе свидетель, которого приволок один из спорщиков. Самурай, который при Артеме исполнял обязанности писаря. Артем взял за обыкновение документировать свои распоряжения, так сказать, во избежание будущих недоразумений. Тут же перетаптывался Сюнгаку, которого Артем тоже пригласил вместе со спорщиками, так как и от него могли потребоваться кое-какие услуги. Сюнгаку вообще-то был частым гостем в замке, навещался сюда не реже одного раза в неделю – именно с такой периодичностью они с Артемом обсуждали текущие дела. Было что обсуждать: игровой бизнес процветал, а им теперь по всей провинции от имени Белого Дракона заведовал Сюнгаку.

Кстати, за ту неделю, что Артем его не видел, Сюнгаку умудрился еще больше потолстеть. Хотя неделю назад казалось, что он достиг предела и дальше можно только лопнуть. Ан нет. Что ж, кушает Сюнгаку теперь хорошо, ни в чем себе не отказывает, пешком почти не ходит – перемещается исключительно на носилках. Сюда его, понятное дело, тоже принесли из Ицудо слуги на драпированных шелком, украшенных кистями носилках – как и всякий скоробогач, Сюнгаку имел склонность к показной, режущей глаза роскоши.

Здесь же, около приготовленного к процессу заседательского места (растеленной перед низким столиком циновки), дожидался прихода господина даймё Такамори, за которым всегда посылали в таких случаях. Такамори зачастую был незаменим как советчик. В законах он разбирался не сильно, а вернее будет сказано, весьма скверно разбирался, зато был сообразителен по части, так сказать, стратегической и часто давал дельные советы. Рядом с Такамори стоял Фудзита, потому что он всегда охранял Артема.

Артем уже, конечно, вспомнил, что там не поделили эти спорщики. Собственно, даже если бы и не вспомнил, то догадался бы. Больше половины всех самурайских споров, в которых ему приходилось выступать арбитром, были об одном и том же – о земле. Да и вообще в других делах самураи предпочитали разбираться при помощи поединка, не отвлекая господина сюго по пустякам.

За истекшие четыре месяца Артем поднаторел в решении подобных споров, как и вообще теперь весьма был осведомлен в древнеяпонских земельных вопросах. Поневоле пришлось вникать в тему, раз за справедливостью бежали именно к нему.

Оказалось, что у них тут, в древней Японии, существуют три вида собственности на землю. Первый – это владения крупных самурайских домов, знатных аристократических семейств. Таких как, например, Сиба, Ямана, Хатакэяма и Иссики. Главы этих домов проживали, разумеется, в столице или, на крайняк, в родовых поместьях, а их владения были разбросаны по всей стране. Кусок земли в провинции, допустим, Идзумо, такой-то кусок земли, допустим, в провинции Канто. Нарезы эти могли быть самой разной величины – и огромные, и до смешного небольшие. Однако, какими бы невеликими они ни были, это считалось собственностью больших, государственной важности людей, и оберегать эту собственность входило в обязанности сюго, то бишь на сегодняшний день – в обязанности Артема. Между прочим, от него еще и требовалось обеспечивать охрану отправляемого с этих земель в столицу оброка. Зато споров по поводу этих земель не бывало. Ну какие тут могут быть споры! Разве что между аристократом и деревенским старостой, если первому вдруг показалось бы, что деревенский староста его обманывает и отправляет ему куда меньше, чем мог бы. Ну это, как говорится, дела семейные, к сюго отношения не имеющие. Правда, беспокойство в любой момент могли доставить так называемые боковые ветви знатных домов.

Внутри самурайских семей управление над удаленными землями дома зачастую поручалось одной из боковых ветвей. От этой ветви требовалось лишь вовремя отправлять в столицу главе дома арендную плату (ну, или можно назвать это взносами в общую семейную копилку, родственным налогом или еще каким-нибудь красивым термином). По прошествии какого-то времени боковые ветви, ежели они крепко вставали на ноги, начинали, как правило, задаваться типично древнеяпонским вопросом «А на фи́га?»: «А на фи́га нам куда-то что-то отправлять по туманному столичному адресу? Что нам с этого отламывается и перепадает? Только насмешки и перепадает, мол, деревенщина, немытые увальни, чурбаны неотесанные. А не отделиться ли нам совсем, а не зажить ли собственным домом?»

И далее, в семи случаях из десяти, история развивалась так: боковые ветви начинали уменьшать количество риса или, что гораздо реже, денег, отправляемых в ненасытный Хэйан, а потом и вовсе прекращали слать туда что-либо. В конце концов из столицы являлся или сам глава рода в сопровождении грозовой тучи самураев, или уполномоченный им родственник, тоже, что характерно, не без сопровождения. И тут уж редко обходилось миром. Ну а гасить конфликты, пусть даже и между родственниками, входило опять-таки в обязанности сюго.

Но пока японский бог миловал Артема – проживающие в его провинции боковые ветви покорно отправляли в столицу положенную дань и бунтовать вроде бы не собирались. Хотя на всякий случай Артем приглядывал за настроениями в боковой среде. Потому как совершенно неинтересно ему было, чтобы в его тихий Ицудо заявлялись какие-то разгневанные столичные самураи. «Ну да, это мышление типичного местячкового правителя, – прекрасно осознавал Артем. – Не хочу видеть тут у себя ни ревизоров, ни чиновников по особым поручениям, ни еще каких залетных столичных гостей. За последнее время привык как-то, знаете, управляться самостоятельно».

Второй вид землевладения – наделы незнатных, мелких и средних самураев. Это была вовсе не спокойная гавань для мелких судов, как кому-то могло показаться с первого взгляда. В этой среде нет-нет да и случались свои шторма. Потому что не всегда и не все самураи

довольствовались тем, что имеют, и иногда норовили увеличить свои владения. А за счет кого это делать? Правильно, за счет ближайших соседей. Порой доходило до настоящих сражений, пусть и местного, деревенского значения. Дважды Артему со своими самураями пришлось выезжать на усмирение таких вот конфликтов. Усмирить удалось без труда, однако были на этой крохотной войне и свои погибшие.

А с третьей формой собственности на японскую землю головной боли было больше всего. Хорошо хоть, часть этого головняка брал на себя дзито, губернатор гражданский. Брал он в тех случаях, когда споры касались лиц простого звания. Но стоило поцапаться самураям, и тогда судить-рядить должен был уже Артем.

Эта третья, самая надоедливая для Артема форма земельной собственности звалась дзинуситэки сёю. Она восходила к очень давнему, принятому чуть ли не при первых императорах закону о наследственном владении освоенной пустошью. Суть его заключалась в том, что кто поднял целину, тот и получил ее во владение. Вроде бы все просто и понятно. Ан нет.

Осваивали пустующие земли, как правило, крестьяне или самые бедные самураи, отличающиеся от крестьян только мечами за поясом и прической-сакаяки. Они осушали болота, вскапывали целину, проводили к полям воду, словом, вкалывали как проклятые, осваивали-таки эти пустоши, а потом начинался столь хорошо знакомый российскому человеку бюрократический бардак. Земля не закреплялась за человеком автоматически, право на нее должно было быть подтверждено официально. Для этого соискателю надо было пойти к дзито, тот отправлял своего чиновника для тщательного обмера участка и составления описания участка. Потом дзи-то должен был списаться с ведомством, которое вело земельный кадастр (оно так и называлось – Ведомство Земель). Если у ведомства по ознакомлению с письмом дзито не возникало вопросов, оно давало добро. Если возникали – из столицы приезжал чиновник, чтобы решить вопрос на месте. Помимо затянутости самой процедуры, и делалось все очень неспешно. Не спешили и по вполне объективным причинам вроде неблизких расстояний и отсутствия компьютерной базы данных. И по причинам субъективным: на землю претендовал народ все не очень богатый, в большинстве своем так и откровенно бедный, навстречу таким чиновники не бегут, сверкая пятками и торопясь угодить, – увы, сие прискорбное явление Артем наблюдал даже в Японии начала тринадцатого века.

Поэтому многие трудяги, стершие в кровь ладони при освоении этих самых пустошей, вовсе не связывались с бюрократической волокитой, работали на земле без всяких бумаг, платили лишь императорский и сёгунские сборы. А ежели становилось трудно (ну там, скажем, задолжал кому или позарез на что-то потребовались деньги), тогда работники просто продавали землю и уже покупатель возился с ее оформлением. Из-за того что зачастую все договоренности были лишь устными, и проистекали всякие трудности и недоразумения. Один говорил одно, второй утверждал, что так мы с ним не договаривались, и гнул свою правду-линию. Если землю начинали сдавать в аренду, а потом и в субаренду, то все запутывалось до чрезвычайности. А ежели вдруг исконный хозяин земли скоростно или не очень отходил в мир иной, так и не успев ничего оформить, всенепременно начиналась свистопляска с наследованием земельного участка.

А иногда эту землю и вовсе друг у друга отнимали силой. Например, самурай отнимает у крестьянина на том основании, что крестьянин не возвращает ему долг. Крестьянин говорит, мол, не должен я ему ничего, все уже выплатил, а самурай настаивает – нет, должен, ничего ты мне не выплачивал. А слово самурая тяжелее, поскольку считается, что самурай соврать не может. Хотя Артем за эти четыре месяца не раз имел возможность убедиться в обратном...

Вот и эти двое тоже не ладили из-за дзинуси-тэки сёю. Господин Йосида, некогда крайне бедный самурай, из имущества располагавший только мечами за поясом да переносным алтарем, несколько лет назад решил податься в земледельцы. Он разработал участок на окраине селения Мейте, что в трех ри от Ицудо, снял несколько урожаев и немного разбогател.

После чего решил, что хватит ковыряться в земле, и сдал землю в аренду самураю, имени которого Артем не мог вспомнить, – вот он стоит сейчас слева, щуплый, с оттопыренными ушами.

Щуплый самурай, как оказалось, тоже арендовал землю не для того, чтобы на ней трудиться, сгоняя семь потов. Он сам сдал ее в аренду – крестьянину из селения Мейте. Сдал, разумеется, за большую плату, чем платил сам, – иначе какой был бы смысл в этом предприятии. Вот такой образовался земельный симбиоз, идилия аренды и субаренды. И длилась бы сия идилия долго и счастливо, но вдруг Щуплый заявил, что земля принадлежит теперь ему, потому что он выплачивал, де, не аренду, а рассроченную плату за землю. Так они, дескать, договорились с господином Йосида, таково, мол, и было условие. Видимо, у Щуплого завелись деньжата, и он решил, что субаренда – это не самое выгодное предприятие на свете и совсем не то, о чем он мечтал долгими японскими вечерами. А может быть, и в самом деле они так договаривались, как уверяет Щуплый. В чем там правда-матка, Артем не знал. Разве что с определенностью можно сказать одно – один из самураев врет. А вы говорите, они врать не могут!

Сейчас Артему предстояло разобраться в запутанном дельце. Конечно, он не считал себя царем Соломоном, но у него был свой метод, уже не раз им опробованный и который лично его, как даймё и сюго, вполне устраивал.

Сначала он собирался выслушать стороны, а потом объявить решение, которое уже заранее принял. Он объявит, что выкупает землю сам. Для себя. Причем выкупает у обоих самураев, давая каждому тройную цену. Если кто-то из самураев вздумает бухтеть, мол, несправедливо, нечестно, буду правду искать в самой столице и так далее, Артем мягко так намекнет ему, что в этом случае готов решить вопрос не в его пользу. А потом еще мягче вставит что-нибудь насчет гнева Белого Дракона, который может обратиться на того, кто не согласен с решениями сюго. И никуда бухтящий самурай не денется, уступит как миленький. Таким образом Артем уже выкупил три земельных участка и намеревался сегодня обзавестись четвертым. В конце концов и ему надо было прирастать землями.

Тут еще вот что с обзаведением землями: сам-то Артем на деле оказался пусть и самым влиятельным в пределах провинции, но безземельным самураем. Потому что на родовых землях Нобунага проживал сейчас сын даймё и воевать с ним Артем не собирался. Тем более закон и мнение людей будут не на его стороне. Поэтому он довольствовался унаследованной должностью сюго, титулом даймё и доставшимся от Нобунага замком. С голоду он не помирал и не помрет, один доход с игорных заведений всей провинции такой, какой никакие земли бы не принесли. Но... как-то, братцы, несолидно получается. Большой человек, даймё и сюго, а земель-то своих, получается, нету.

В конце концов ни господина Йосида, ни второго господина силком к нему на суд не тащили, разобрались бы сами промеж себя, но ведь нет, понадобилось им беспокоить господина сюго, отрывать его от важных государственных дел. Так и нечего возмущаться. Тем более оба получают славные отступные, каких бы от другого феодала «ни в жисть» не дождались. А крестьянина, что обрабатывает землю, Артем не тронет, крестьянин теперь станет платить аренду напрямую господину Ямомото, вот и все, что изменится для крестьянина, а даймё, пользуясь добрыми отношениями с гражданским губернатором, быстро и без проблем оформит освоенную пустошь на себя. Коррупция, скажете? Да, – не стал бы отпираться Артем, – коррупция, она, родная. Так а что вы хотите от непросвещенного древнего владыки? Неужто демократии, гласности и плюрализма?

Артема не смущало присутствие Хидейоши, который обязан будет доложить в столице о том, как тут управляет новый сюго. Думается, в Киото-Хэй-ан мало кого озаботит, что господин Ямомото вдали от столицы занимается самоуправством, – если, конечно, у двора нет намерения разобраться с гайдзином Ямомото самым суровым образом. А если все же такое намерение есть... то и без этого пустякового эпизода разберутся. Повод найдут с необычайной легкостью.

Поскольку Артему требовались немалые деньги, чтобы заплатить самураям выкуп за землю, он и пригласил сюда Сюнгаку. Вот в том мешочке на поясе наверняка позвякивают золотые и серебряные монеты.

«Тяжела ты, жизнь феодальная, – вздохнул про себя Артем. – Ну приступим, помолясь».

– Говори ты! – он показал рукой на Щуплого и приготовился слушать сбивчивую повесть об арендных мытарствах.

А потом произошло немыслимое...

Сперва Щуплый, как и полагалось, низко поклонился господину сюго, шагнул вперед. Вместе с ним вперед шагнул и странствующий монах, которого, как тут же подумал Артем, привел Щуплый, чтобы тот свидетельствовал за него: мол, присутствовал при заключении устного договора, готов подтвердить слова господина Щуплого.

Монах поклонился, сложив руки перед собой. Распрямился. Затем как-то странно прогнулся назад и вдруг резко выбросил руку...

За мгновение до того, как он это сделал, из-за спины Артема смазанной тенью метнулся вперед Такамори, сбивая господина с ног и закрывая его собой.

Громко закричал Фудзита. Падая, краем глаза Артем захватил, как он, по-бычьему наклонив голову, бежит к монаху.

Артем вскочил на ноги уже тогда, когда все закончилось. А закончилось все в считанные секунды.

Монах вдруг выдернул что-то из рукава, блеснуло короткое лезвие. Он взмахнул рукой у горла и стал заваливаться набок. Из его руки выпал нож с коротким и широким лезвием. Артем успел разглядеть, как из перерезанной шеи толчками выплескивается кровь. К упавшему подлетели Фудзита и Такамори и спинами закрыли его от Артема.

– Этих не трогать! – закричал Артем, увидев, как самурай-писец, отшвырнув в сторону доску с бумагой и причиндалы для письма, с мечом в руке надвигается на перепуганно вращающих головами тяжбщиков. Не лишняя была предосторожность – верный Артему до мозга костей самурай-писец (его Артем возвысил из младших самураев, увеличив его ежегодный доход пятикратно) мог в запале и отхватить головы у неповинных людей. Да, Артем был уверен, что эти двое неповинны. Ну, не на все сто процентов, конечно, уверен, но где-то на девяносто. А десять процентов сомнений не та цифра, за которую лишают головы.

Артем оглянулся. Хидейоши стоял в боевой позиции, держа в отведенной руке меч. Ацухимэ же сидела на коленях. Ее кимоно спереди было в песке. Похоже, она только что поднялась, а до того падала на живот. А ведь этот монах что-то определенно метнул... Не может быть!

Артем бросился к Ацухимэ, опустил рядом с ней.

– Ты цела?

– Будь на моем месте другая женщина, она была бы уже мертва, – сказала Ацухимэ. Потом повернулась и вытянула руку в направлении росшей в трех шагах от этого места сакуры. – Летело прямо в меня. Спасибо мастеру Мацудайра, он научил меня быть всегда внимательной. Он научил меня обращать внимание на странности в поведении людей и в такие минуты приводить тело в готовность к немедленному действию. Он научил меня не стесняться падать на землю, не думая о том, как на это посмотрят другие, или о том, что может испачкаться кимоно. Поэтому я увернулась.

Тем временем Артем увидел то, на что показывала Ацухимэ.

– Матерь боска! – неисповедимыми путями вырвалось у него польское восклицание.

В стволе сакуры застрял короткий, не более полутора сун¹⁷ длиной металлический штырь. Это был сюрикэн, можно даже не подходить и не выдерживать, ничем другим это быть не может. И наверняка кончик смазан ядом.

---

¹⁷ 1 сун – 3,03 см.

А ведь очень знакомое орудие преступления, мать вашу... Сразу приходят в голову ямабуси. Это их оружие. Самураи презирают такое оружие, как презирают тех, кто им пользуется. Монахи-воины? Ну, а им-то с какой радости связываться с убийствами? Подожди, подожди... Артем непроизвольно потер пальцами лоб.

Как же до этого ему не приходила в голову столь простая мысль? Видимо, потому что до этого он перебирал мотивы сугубо политические или личные. А если мотивы совсем иной природы, а именно религиозной?

Кому-то не нравится, что множатся слухи о военном губернаторе по имени Ямомото, которого считают человеческим воплощением Бьяку-Рю, сиречь Белого Дракона, могущественного мифологического существа. Кругами по воде разбегаются слухи о том, как этот Ямомото чуть ли не в одиночку победил монголов, а до того в честном поединке одолел даймё Нобунага и по праву занял его место сюго и унаследовал замок, и над ним простер незримый щит великий и ужасный Бьяку-Рю, сделав его неуязвимым для стрел, клинков и ядов. А отсюда число тех, кто уверовал в могущество мифического существа Бьяку-Рю, понятное дело, растёт, и для многих Белый Дракон потихонечку становится главным божеством. И вот-вот могут появиться – если уже не появились – секты поклоняющихся Бьяку-Рю. С чем-чем, а с появлением сект, как Артем уже понял, в стране Ямато не заржавеет. И кто-то почувствовал для себя угрозу в подобном развитии событий. Ну а кто, как не монастыри, могут почувствовать в этом угрозу? У них отнимают владычество над умами...

– Он прошел вместе с нами! – услышал Артем срывающийся голос господина Йосида. Видимо, его сейчас допрашивал Такамори. – Я думал, он вместе с Сюнгаку. Откуда знаю, почему его пустили!

– Он не со мной! – кричал, то и дело пуская «петуха», Сюнгаку. – Я думал, он вместе с вами. Почему караульные не спрашивали его ни о чем?

Монастыри в стране Ямато чертовски влиятельны. Мало того, некоторые из них представляют собой просто-таки маленькие империи внутри империи большой, располагая среди прочего и собственными маленькими армиями, армиями монахов-воинов. А где свои армии, там и наемные убийцы, не так ли?

Черт возьми! Возможно, этот человек, успевший убить себя и от которого теперь уже ничего не добьешься, не переоделся монахом, а монах и есть. Тогда цель пославших его людей понятна – убить гайдзина Ямомото и тем самым опровергнуть слухи о неуязвимости человеческого воплощения Бьяку-Рю. А тогда и число поклонников Белого Дракона пойдет на спад.

Но тут же еще одна мысль обожгла мозг Артема: «А ведь не меня пытались убить. Ошибиться настолько убийца не мог. Значит, он метил в девушку. А это уже совсем непонятно – с какой стороны ни зайди, не укладывается ни в одну версию».

Артем взглянул в лицо сестре Хидейоши. Тревоги или испуга не увидел. Выглядит спокойно. В отличие от ее брата и самого Артема. И даже удивленной не выглядит.

Артем испытал страстное желание немедленно влить в себя добрую порцию саке... А еще он понял, что, пожалуй, и впрямь не стоит затягивать с отъездом в столицу. Может, там и поостерегутся нападать на него и его друзей в двух шагах от императора и императорской гвардии?

«В столицу, не в столицу, срочно, не срочно – в любом случае надо что-то делать, а не сидеть сиднем и ждать, откуда снова прилетит. Хотя бы потому, что уже взялись за людей, которых я не хочу терять...»

Глава шестая

ТАЙНЫ ХЭЙАНСКОГО ДВОРА

Поговорить обстоятельно и откровенно им с Хидейоши удалось лишь вечером. В час Кабана¹⁸ они отправились вместе прогуляться по стенам замка и заодно проверить караулы. В свете последних событий к караулам следовало относиться с повышенным вниманием.

Ацухимэ с ними не пошла, отправилась в свою комнату. Сама ли или с подсказки брата, но она правильно поняла – настал момент, когда мужчинам нужно поговорить наедине...

С караулами все обстояло нормально. Как, между прочим, и с погодой. Стоял теплый августовский вечер. Дневная жара и духота уступили место легкой необременительной прохладе. Комаров, которые житья не давали в конце весны и в начале лета, уже почти не осталось. А те, что остались, до вершины стены не долетали, силенок не хватало.

Зато всюду заливались цикады, главные сторожа замка, его естественная сигнализация, причем куда более надежная, чем всякие электронные охранные системы... Впрочем, до любой электроники было еще далеко. А если быть точным, то аж целых семь веков.

Артем остановился на середине южной стены, той самой, по которой карабкался в ночь исторического штурма этой каменной громады. Сейчас, глядя вниз, он с трудом верил, что сделал это. Конечно, он гимнаст, более того, воздушный гимнаст, профессионально лишенный страха высоты, а также потомственный циркач, физически крепкий, тренированный человек, к тому же с месячишко ему удалось потренироваться под руководством искушенных в искусстве лазанья по стенам яма-буси. Однако все равно впечатляет – в прошлой жизни по скалам не лазавший даже в фантазиях, а вот взял да одолел, так ни разу и не сорвавшись. «Сотворить подобное можно, пожалуй, лишь от большого отчаяния или от огромного желания. Или от того и другого, вместе взятых», – подумал Артем.

У самой стены, во рву, мутно поблескивала грязная водица, в которую в ту ночь Артему довелось окунуться. От воспоминаний о запахе, исходившем от водицы, Артема передергивало до сих пор. Великое счастье, что не случилось отведать, какова она на вкус. (Между прочим, сейчас ее вкус несколько не изменился – нечистоты как сливали в ров, так и продолжали сливать, до сооружения экологически безупречной канализации руки у даймё пока что не дошли. Так оно обычно и бывает у власть предержащих во всех эпохах и на любом краю географии – всегда хватает дел гораздо более важных, чем заботы о какой-то канализации...)

Но, как говорится, лучше о приятном. А приятное тоже имелось. Взять хотя бы тот же вид отсюда, с верхотуры. Великолепнейший вид со всех точек зрения, какую ни возьми. И с эстетической, и со стратегической. Поросшие лесом горы тянутся до горизонта и вдали, на излете видимости, зарываются снежными верхушками в небеса. На подступах к замку – холмистая пустошь, деревья на которой сведены для удобства часовых на стенах и на случай возможной осады. Пустошь пересекает, выворачивая из-за холма, желтая полоса дороги, по ней сейчас бредут в сторону Ицудо припозднившиеся путники. С этой стены город Ицудо не виден, но, если не лень, можно перейти на западную стену и оттуда разглядывать прямоугольники заливных полей, что входят в черту города, и крыши окраинных городских домов...

Тем временем на Японию опускалась ночь. По небу разливался закат, который вызвал у Артема не слишком поэтичное сравнение с растекающимся по светло-синей скатерти портвейном. Весьма странные образы приходили ему на ум, следовало признать...

Артем облокотился на ограду. Хидейоши встал рядом.

---

¹⁸ Час Кабана – от 21 до 23 часов.

– Что у нас с монголами? – спросил Артем. – После того урока, что мы им преподали, они не сунутся больше в страну Ямато?

– Монголы больше не сунутся, – заверил Хидейоши. – Им сейчас не до новых походов. Монгольские вожди воюют друг с другом. Каждый из сыновей Ченг-Дзе¹⁹ считает себя единственным и полноправным наследником отцовской империи и готов изничтожить любого, кто думает иначе. Эта война измотает их. Им долго еще будет не до нас.

– Ну и славно, – сказал на это Артем. Собственно говоря, монголы его волновали довольно незначительно. Он спросил о них лишь для затравки разговора.

Они помолчали, любуясь разгорающимся закатом. В такой вечер хорошо было просто так стоять на стене замка, смотреть окрест и молчать... Да только вот не для того, чтобы молчать, они здесь уединились.

– Скажи мне, Хидейоши, честно и откровенно, – прервал молчание Артем, – знаешь ли ты, кто стоит за всеми этими покушениями? Или, быть может, хотя бы догадываешься?

– Нет, – сказал Хидейоши. – Не знаю. Откуда? У самурая Кумазава было одно качество (ценное или наоборот – это зависело от обстоятельств): он не умел врать и не пытался этого делать. Нет, ну конечно же, согласно самурайским представлениям о чести недопустимо прибегать ко лжи, благородный муж, солгав, покрывает себя позором. Только вот представления представлениями, а люди – они все ж таки разные, будь они хоть трижды самураями или даже родовитыми самураями с могучими генеалогическими корнями, едва не достающими до древних богов. Были и такие воины, что правила чести блюли исключительно на словах, на деле же нарушая их на каждом шагу, был и другой полюс – те, кто исповедовали кодекс от и до, до последней закорючки в иероглифах. Кумазава Хидейоши был гораздо ближе ко второму полюсу, нежели к первому. Наверное, ему проще было бы вспороть себе живот, чем соврать. А если бы и соврал (скажем, руководствуясь соображениями суровой государственной необходимости или прямым приказом своего господина), то, можно не сомневаться, сделал бы это крайне неумело, выдав себя с головой.

– Жаль, что не знаешь, – сказал Артем, несильно постукивая пальцами по теплomu камню кладки. – Я бы не стал тебя спрашивать об этом, если бы не последнее покушение, очевидцем которого тебе «повезло» стать. Потому как тут уже метили не в меня, а в Ацухимэ.

– Кто метил в Ацухимэ? – повернул к нему удивленное лицо Хидейоши.

– Как кто? Монах. Вернее будет сказать – человек, одетый монахом.

– Почему ты так решил? Я уверен, что покушались на тебя, но промахнулись.

– Видишь ли, Хидейоши... Орудием преступления послужил металлический штырь под названием сюрикэн. С этим оружием, так уж получилось, неплохо знаком Такамори, ты видел его сегодня во дворе, такой невысокий, немолодой, с черной перчаткой на левой, покалеченной, кисти, с виду щупловатый, но это только с виду, могу тебя уверить...

– Это недостойное самурая оружие, – нахмурил брови Хидейоши.

Артем знал, что он это скажет. Был бы не Хидейоши, если бы не сказал. Однако глупее всего было бы сейчас затевать диспут на тему «Что пристало самураю».

– Согласен, – сказал Артем. – Недостойное. Такамори оправдывает лишь то, что он стал самураем недавно, всего четыре месяца назад, это я наградил его мечами за верную службу.

Кумазава, слава богу, удержался от замечаний вроде того, что «не дело это раздавать мечи налево и направо», и от рассуждений о законности подобного раздавания.

– Так вот, – продолжал Артем, – Такамори уверяет меня, что настолько промахнуться убийца не мог. То есть, конечно, мог бы, но только в том случае, если бы взял сюрикэн в руки впервые в жизни. Первое метание таким корявым всенепременно и вышло бы. Однако, по утверждению Такамори, хват, каким тот держал сюрикэн, и манера броска выдавали в

---

¹⁹ Ченг-Дзе – китайское имя Чингисхана.

«монахе» человека, неплохо знакомого с этим своеобразным оружием. Я склонен доверять в этом вопросе Такамори...

Можно было бы позвать Такамори, чтобы он повторил для Кумазава свое объяснение... да вот только не было сейчас в замке Такамори. И весьма любопытно было бы Артему узнать, где это носит старого яма-буси на ночь глядя. Когда кругом шныряют убийцы, когда больше чем в любое другое время следовало бы находиться поблизости от своего господина, он куда-то улизнул. А ведь до сего дня Такамори по своей воле из замка отлучался считанные разы. Всю жизнь проскитавшись по лесам в небольшой компании своих сородичей и единоверцев, «горный отшельник» побаивался мира людей и на улицах даже такого небольшого городка, как Ицудо, чувствовал себя весьма неуютно. А тут вот, смотри-ка, взял и отправился куда-то в одиночку. Правда, чтобы господин даймё не поднимал на ноги самураев и не затевал прочесывание окрестностей с фонарями в руках, Такамори через Фудзита передал для господина Ямомото, что пусть, мол, господин не беспокоится, он скоро вернется и все объяснит. Вообще-то за подобную самостоятельность следовало бы наказать по всей строгости самурайского кодекса. На счастье Такамори не успел еще Артем превратиться в кровавого деспота...

Хидейоши между тем призадумалась над словами Артема.

– Метательное оружие весьма ненадежно, – таково было его умозаключение, сделанное спустя минуту. – Тем более когда оно такое короткое. К тому же переодетый монахом убийца не располагал временем, чтобы занять правильную позицию и прицелиться как следует. Вдобавок мы не знаем, какого мастерства, был убийца. Возможно, невеликого мастерства и для него любая помеха была столь же неодолимой, как для лучника ураганный ветер. Скажем, в последний момент сюрикэн (Хидейоши выговорил это слово с нескрываемым отвращением) зацепился за рукав. Разве я рассуждаю неверно?

– Ты рассуждаешь верно, – признал Артем. – Однако меня не оставляет чувство, что прав не ты, а Такамори. Понимаешь, это как в вопросе... ну допустим, плетения корзин: за разъяснениями я бы обратился не к сюго, дзито или сёгуну, а к корзинщику. И доверился бы его словам. Но вот если бы дело касалось, скажем, самурайских поединков, то я бы отправился за разъяснениями к тебе, а не к кому-нибудь другому, не к тому же, скажем, корзинщику. А в этой истории я склонен доверять Такамори.

– Я не стану настаивать на своей правоте, – Хидейоши повернулся в профиль и вздернул подбородок. Сравнение с каким-то презренным корзинщиком его, похоже, задело.

– Я тоже ни на чем не собираюсь настаивать, я лишь призываю тебя задуматься, не угрожает ли вам с сестрой опасность...

«Похуже, я ломлюсь в закрытую дверь, – подумал Артем. – Даже не просто в закрытую, а в наглухо заколоченную».

– Ладно, – сказал он. – Оставим это. Наверное, нам стоит поговорить о делах политического свойства. Я многого... а вернее будет сказать, ничего не понимаю и надеюсь на твои разъяснения. Вот смотри. Я ждал, что меня позовут ко двору сразу после изгнания монголов, после того как в столице станет известно о предательстве Нобунага и о моем с ним поединке, в общем, после того, как до Хэйан докатятся вести о некоем чужеземце, обосновавшемся вблизи Ицудо и называющем себя человеческим воплощением великого и ужасного Бьяку-Рю. Даже если Хэйан не заинтересует щекотливая ситуация с законными правами чужеземца на замок Нобунага, на его слуг и самураев, в конце концов, я полагал, что скажется простое человеческое любопытство. Неужели, думал я, императорскому двору будет неинтересно взглянуть на столь необычного чужеземца? Ничего. Молчание. Что мне оставалось? Я занял место Нобунага, взвалил на себя обязанности сюго, привык к тому, что ко мне обращаются «господин даймё». И все вокруг принимали это как должное, все вокруг подчинялись мне, как до того подчинялись Нобунага. Гражданский губернатор тоже без малейших сомнений признал за мной полномочия сюго... Ну его-то я как раз понимаю. С прошлым даймё наш губернатор жил хуже, чем

кошка с собакой, не мне тебе об этом рассказывать. И я, как человек неопытный, обращающийся постоянно к нему за советами и к его советам прислушивающийся, вполне его устраиваю. Я даже понимаю, почему он спокойно воспринимает все мои новшества. Отвечать за них придется только мне, с него за них не спросят. В общем, с дзито понятно. Непонятно зато со всем остальным.

– Постараюсь тебе помочь, – сказал Хидейоши.

(В закатном свете краски сгустились, и кожа собеседника Артема из светло-желтой сделалась светло-коричневой, похожей на крем-брюле. Если бы бывший воздушный гимнаст чуть более за эти четыре месяца проникся самурайским духом, он бы непременно по этому поводу сложил сейчас в уме хокку. Что-нибудь насчет того, что солнце коснулось горных вершин. Меч уснул в ножнах до утра. О, как далеко ты мое крем-брюле!)

– Сперва скажу, что ты, Ямомото-сан, не первый, кто так стремительно возвышается. Этим путем до тебя уже проходили. Еще во время Первой десятилетней войны²⁰ бывший безродный торговец маслом по имени Санэмори убил усыновившего его самурая, завладел его землями и объявил себя главой дома Кусуноки. Он своевременно примкнул со своими самураями к войску Минамото ёриёси, показал себя храбрым воином, в боях против мятежников прославил имя Кусуноки, а после вывел Кусуноки из слабых в сильные дома и с тех пор его потомки отличались храбростью и благородством. Похожие истории повторялись неоднократно. Хотя и не всегда право на завоеванное признавалось императорским двором...

– Так вот и я о том же! – воскликнул Артем. – Отсюда и мое недоумение – почему ничего не происходит?! Ни признания, ни непризнания. Императорский двор молчит, как скала над морем...

Хидейоши смахнул ладонью камушки с ограды, и они полетели вниз, ко рву с водой. Усмехнулся чему-то своему:

– Не императорский двор молчит, а сиккэн Ходзё, человек, которому я сейчас служу.

– Ты служишь сиккэну? – Надо признать, он сумел удивить Артема. Хотя бывший акробат и не знал, чем там занимается в столице бывший чиновник гражданского губернатора, однако никак не мог предположить, что он служит второму лицу государства японского.

– Если ты помнишь, Ямомото, четыре лунных месяца назад мы встретились, когда я вез письмо в столицу. Это было письмо дзито, с которым ты теперь хорошо знаком, а его получателем был сиккэн Ходзё Ясутоки. Мне, разумеется, не было известно содержание письма, господин дзито лишь сказал, что в нем он рассказывает о злодеяниях Нобунага. Оказалось, что помимо важных сведений о Нобунага в этом письме было и обо мне самом. Сиккэн прежде прочитал письмо сам, затем вслух зачитал отрывок, где дзито лестно обо мне отзывался и советует сиккэну взять меня на службу. «Я не могу не прислушаться к рекомендации столь благородного и умного человека, как дзи-то, – сказал мне господин Ходзё Ясутоки. – К тому же мне нужны способные люди. Ты согласен поступить ко мне на службу?» Разумеется, я согласился. Это большая честь служить такому человеку. Вот почему я не вернулся из столицы. С того самого дня я выполняю поручения сиккэна, а он мне пока что не поручал ехать в Ицудо...

Артем хотел пошутить: мол, выходит, дзито подарил тебя сиккэну. Но вовремя удержался. Что пристало в цирке, в обществе клоунов и акробатов, совсем не годится в общении с самураями. За подобную насмешку скорее всего придется отвечать поединком с весьма кислыми для Артема шансами на победу.

---

²⁰ Первая десятилетняя война началась в 1051 г. Ее причиной послужили злостные должностные злоупотребления Абэ ёритоки, чиновника по делам эмиси (айнов) в провинциях Дэва и Муцу (север острова Хонсю, граница, за которой начинались земли варваров). Увещевания на зарвавшегося чиновника не действовали, и тогда было решено сместить его силой. Эта миссия была поручена Минамото ёриёси. Убить мятежного Абэ ёритоки удалось лишь в 1057 г., однако борьбу против законной власти продолжил его сын Садато.

– Подожди, подожди... – вдруг пришло в голову Артему. – Разве тебя сюда отправил сиккэн, а не император?

– Я сюда прибыл по поручению сиккэна. Ты разве этого не понял?

– Не понял, – честно признался Артем. – Ведь письмо, что ты мне привез, оно от императора.

– Оно подписано императором. А написал его, разумеется, сиккэн...

– Разумеется?

– Станный вопрос для человека, четыре месяца занимающего высокую должность сюго...

Артем ожидал, что вслед за этими словами последует отповедь. Что-то вроде: «За четыре месяца ты не только не удосужился узнать историю величайшей из войн, войны Гэмпэй, но и не смог разобраться, кто и как управляет нашей страной. Плохо, господин даймё, плохо. Чем же ты занимался все эти месяцы?!»

– Откуда мне знать тонкости вашей высокой политики, – пожал плечами Артем. – Ну разумеется, я знаю, что император избавлен от тяготы повседневных дел, тяжкая ноша государственной рутины снята с плеч августейшей особы и возложена на правительство бакуфу, во главе которого стоит сёгун. Я, конечно, знаю, и впервые, кстати, узнал об этом от тебя, что сёгунами вот уже давно назначаются малолетние самураи дома Минамото. Стоит только сёгуну подрасти и приблизиться к совершеннолетию, как на его место назначают нового, помоложе. А поскольку дети и подростки страной управлять не могут, то за них это делает Совет Регентов, для этого, собственно, и образованный. И точно так же, как должность сёгуна превратилась в наследственную и принадлежит дому Минамото, управление Советом Регентов по наследству передается представителям дома Ходзё. В результате и дом Минамото не в смертельной обиде – должность сёгуна весьма почетна, хоть и лишена на сегодняшний день реальной власти. И дому Ходзё, понятное дело, расстраиваться нет причины, реальная власть-то у них. Это-то все мне известно. Но я не знаю, что все же оставлено в ведении императора, а что нет. Уж извини, но я и представить не мог, что император не может себе позволить по своему желанию приглашать в столицу провинциальных сюго...

– Да, были времена, когда власть в стране всецело принадлежала императору, – сказал Хидейоши. Как показалось Артему, в его словах промелькнула затаенная печаль. – Но о тех временах уже стали забывать. Сперва к власти пришел дом Фудзивара, потом возвысился дом Тайра, его сменил клан Минамото, теперь у власти дом Ходзё. Но вот что я тебе скажу, Ямомото-сан... – Последнюю фразу Хидейоши произнес чуть ли не торжественно и даже, как показалось Артему, еще больше распрямил спину. – Правление Ходзё Ясутоки – одно из самых удачных за многие-многие годы. И я говорю так не потому, что я служу этому человеку. Ясутоки – умный и дальновидный муж. Но еще важнее другое – он готов посвятить свою жизнь стране Ямато и не боится принимать решения. Это большая беда для любого правителя – бояться поступков. Наверное, таким, как Ясутоки, и должен быть государственный муж.

А вот последнюю фразу своего практически тоста «Ну, за Ясутоки!» Хидейоши произнес с довольно кислым выражением лица. С такой миной люди признают, что да, все плохо, но ведь могло быть и еще хуже. Насколько Артем знал своего собеседника, самурая Кумазава, тот был убежден, что править Страной восходящего солнца должен муж насквозь благородный, эдакое ходячее воплощение самурайских представлений о чести и доблести. Но раз уж такого не случилось – так, вероятно, думает Кумазава, – то будем выбирать наименьшее из зол.

– Ну хорошо, – хлопнул ладонью по каменной ограде Артем. – Я усвоил, что все маломальски важные властные решения сиккэн принимает практически единолично. Стало быть, тебе, как его доверенному лицу, должны быть известны причины, по которым он их принимает. И я возвращаюсь к своему вопросу: так все же почему меня так долго не звали никуда, а потом вдруг позвали?

– Скажу, что мне известно. Четыре месяца назад сиккэн не поддавался на уговоры императора и придворных, которым, конечно, хотелось полюбоваться на Белого Дракона, как любуются на чудеса и диковинки, о которых много всего слышали. Сиккэн убедил императора не торопиться. Говорил он так: если Белого Дракона вызвать в Киото прямо сейчас, придется воздавать ему должные почести как победителю иноземных захватчиков и спасителю страны Ямато. А спаситель выглядит как гайдзин. Конечно, все можно объяснить тем, что сие обличье принял Белый Дракон, дабы отличаться от всех прочих жителей страны Ямато. Но все равно ситуация для двора сложится щекотливая, и ею легко могут воспользоваться враждебные двору силы, которые станут на всех углах говорить, что власть слаба, раз самостоятельно не смогла справиться с монгольской напастью. Злые языки на этом не остановятся и непременно станут утверждать, что само появление Белого Дракона есть не что иное, как поданный Небесами знак к выступлению против дома Ходзё. Сколько раз и по более незначительным поводам поднималась смута. И разумнее всего для двора, подвел итог сиккэн, немного выждать. История с монголами отойдет в прошлое, страсти поулягутся, волна всеобщего восхищения спадет, и приезд Белого Дракона в столицу не вызовет слишком бурных страстей. К тому же если называющий себя человеческим воплощением Белого Дракона и впрямь находится под покровительством Бьяку-Рю, то небесный покровитель не оставит его и впредь, станет помогать в иных делах. Мы это увидим и поймем – да, это человек, которого стоит привечать. Или увидим совсем другое – нет, это не тот человек, которого хотели бы видеть в Хэйан...

«Ну да, а пока выжидаешь: или султан умрет, или ишак сдохнет, – подумал Артем. – К тому же ишаку всегда можно помочь с досрочным издыханием. И сложат еще одну легенду, что, мол, воплощение Белого Дракона в человеческом обличье отправился к своему повелителю Бьяку-Рю в Страну Облаков... Словом, вот вам и еще один кандидат на автора покушений – господин сиккэн. Не слишком ли быстро растет число Докторов Зло?»

Темнело. Караульные на стенах зажигали факелы.

– Хорошо, а почему срок выжидания закончился именно сейчас? – спросил Артем. – А не в прошлом месяце, две луны назад или, допустим, восемнадцатого числа пятого месяца этого года?

Хидейоши замаялся, словно подбирал слова подипломатичней.

– Ну говори уж как есть, – подстегнул его Артем. – Мы же и уединились здесь, чтобы поговорить начистоту. Что там еще за тайны хэйаньского двора?

– Ты ничего не слышал о военачальнике Такаши? – Хидейоши повернул голову, ожег Артема пристальным взглядом и тут же отвернулся.

– Я слышал, что его убили около полумесяца назад, – пожав плечами, проговорил Артем. – И все, пожалуй... А что такое?

– А слышал, кто его убил?

Артем еще раз пожал плечами.

– Вроде как говорили об айнах, с которыми когда-то воевал Такаши. Дескать, это месть варваров. Кто-то вроде бы говорил о демонах, якобы насланных варварами. Как ты знаешь, вести к нам попадают вместе со всевозможным странствующим людом, по пути, во всех провинциях, через которые этот люд проходит, обрастая невероятным количеством добавлений и изменений, зачастую до неузнаваемости переиначиваясь.

– Я скажу тебе сейчас о том, о чем знают немногие, – Хидейоши понизил голос, хоть до ближайшего человека, который мог их подслушать, а именно до прохаживающегося по стене караульного, было довольно далеко. – Сиккэн не приказывал мне молчать об этом, а раз так, то я скажу. Перед смертью Такаши назвал имя убийцы. «Белый Дракон, – сказал он. – Меня убил Белый Дракон».

Хидейоши замолчал.

– Ну и что? – спросил Артем.

- То есть как «что»? – Хидейоши был заметно удивлен.
- При чем тут я?
- Тебя считают человеческим воплощением Белого Дракона. Многие тебя так и называют – Белый Дракон. Поэтому... некоторые считают, что перед смертью Такаши говорил о тебе.
- Ага, и по этому поводу меня тянут в столицу? Хотят допросить?
- Да, это одна из причин, почему тебя вызывают в столицу. Господин Ходзэ хочет спросить тебя о смерти военачальника Такаши.
- Замечательно, – сквозь зубы проговорил Артем. – Я теперь еще и подозреваемый в убийстве. Да будет тебе известно, мой друг Хидейоши, что я за эти четыре месяца ни разу не пересекал границ провинции, а в течение последнего месяца дальше Ицудо вообще не выбирался. И тому есть полчища свидетелей. А касаясь последних слов Такаши... Возможно, они были сказаны в бреду. Может быть, умирающему военачальнику просто померещился пролетевший под потолком и машущий крыльями дракон с чешуей белого цвета?
- Как рассказывали, слова Такаши не были словами человека, утратившего власть над своим рассудком, – убежденно сказал Хидейоши. – А что касается свидетелей... Никто и не думает, что ты собственноручно убил Такаши. Но ты мог подослать убийц.
- Великолпно! – Артем непроизвольно взмахнул рукой. Он начинал раздражаться. Конечно, не самое лучшее состояние для содержательных бесед, но он ничего не мог с собой поделать. – А нет ли в Японии еще каких-нибудь нераскрытых преступлений? Давайте спишем все на Белого Дракона, который рассылает убийц и насильников по все провинциям! Вот оно – исчадье зла, сидит в замке под Ицудо, давайте покараем его, и в стране разом наступят мир и покой.
- Артем немного помолчал, стараясь успокоиться.
- Ну хорошо. А вот скажи мне, друг мой Хидейоши, зачем мне вдруг понадобилось убивать человека, с которым не то что был не знаком, но и впервые услышал о нем только в связи с его смертью? А?
- Ладонь Хидейоши нервно оглаживала рукоять длинного меча. Чиновник стоял, отвернувшись от Артема.
- Никто не знает точно, кого ты знаешь, а кого – нет, – выговорил он. – К тому же у тебя за эти четыре месяца могли появиться... советчики, которым ты всецело доверяешь.
- Намечаешь на своего бывшего начальника, на дзито?
- Я никогда ни на кого не намекаю! Я всегда говорю прямо!
- Теперь настала очередь Хидейоши становиться в третью самурайскую позицию: глаза горят, ноздри раздуваются, ладонь на рукояти катаны.
- Мы, Кумазава, всегда говорим открыто, что думаем!
- Я знаю, – вздохнул Артем. – Вот поэтому, кстати, сюда и послали именно тебя. Ты не станешь плести интриги, участвовать в сговорах и заговорах. И сиккэн тебя приблизил к себе по той же причине – можно не опасаться подлого удара в спину.
- Хидейоши слушал Артема, играя бровями и недовольно сопя.
- У нас же разговор начистоту, правильно? – напомнил Артем. – Вот и скажи мне начистоту, веришь мне или нет? Веришь, что я не посылал убийц ни к какому Такаши, да и вообще никакого касательства к его смерти не имею?
- Хорошо, я скажу тебе, как ты просишь, начистоту, – сказал Хидейоши, немного подумав. – Я тебя мало знаю. Я не знаю обычаев той страны, откуда ты прибыл. Я не верю, что ты воплощение Белого Дракона, но верю, что Белый Дракон покровительствует тебе, иначе невозможно объяснить ту удачу, что тебе сопутствует. Я не знаю, причастен ты или нет к убийству Такаши. Мне бы не хотелось, чтобы ты был причастен. Но... но...
- Но ты не исключаешь такой возможности, – помог ему Артем. – Понятно. Спасибо за откровенность...

Ночь еще окончательно не накрыла город Ицудо и его окрестности черным колпаком, но до наступления этого часа оставалось совсем немного. Еще чуть-чуть, и еще один день рухнет в ту пропасть, куда все они безвозвратно проваливаются, где вслед за ними исчезают годы, десятилетия и жизни...

– Ты сказал: убийство Такаши – одна из причин моего вызова в столицу, – произнес Артем, глядя на погружающееся в ночь небо. – А какие другие?

– Твои... чудеса, весть о которых докатилась до Хэйан. Много говорят о чудесах, которыми полнится город Ицудо и которые привлекают сюда людей из ближайших провинций. В столице рассказывают сушие небывлицы...

– А скажи мне, Хидейоши-сан, – оживился Артем, – почему, несмотря на то что в столице уже всю говорят о чудесах, никто из столицы так и не пожаловал в Ицудо поглазеть на эти чудеса. Например, отчего бы какому-нибудь скучающему аристократическому семейству не совершить путешествие, развеяться?

– Пока двор и сиккэн не явили свою благосклонность к даймё Ямомото, никто не желает первым отправляться в Ицудо. В этом могут усмотреть... некие тайные мотивы.

– О Небо! – громко выдохнул Артем. – А я-то думаю, чего это они не едут. Вот, значит, как просто. М-да... Ты знаешь, Хидейоши, скажу тебе по правде, мы бы хотели видеть у себя в Ицудо скучающих богатеньких куго. Ради этой великой цели, можно сказать, все и затевалось.

– Что затевалось?

– А то, что ты увидишь завтра, – сказал Артем, уже несколько утомленный беседой. – И о чем потом расскажешь в Хэйан своему сиккэну. Да и так, между прочим, кое-что ты уже видел, да только не придавал значения. А для нас все очень важно, и это часть замысла. Ну, к примеру... Скажи, когда ты добирался от границы провинции до Ицудо, ты ничего необычного не заметил?

– Что ты имеешь в виду?

– Как тебе сама дорога?

– Очень хорошая дорога.

– Спасибо и на том. Она не просто хорошая, думаю, она одна из лучших в стране. Целый месяц сотни нанятых мною людей работали над ее улучшением: рыли придорожные канавы, укрепляли осыпающиеся участки, чинили мосты, ну и так далее. Одно удовольствие одолевать эту дорогу и пешему, и верховому, и на повозке. И теперь даже в затяжные дожди дорогу нигде не размывает до непроходимости. А самурайскую заставу на границе моей провинции ты не мог не заметить. Так вот такие же заставы располагаются на всех дорогах, ведущих из соседних провинций. И каждой группе путников, следующих в Ицудо, выделяются самураи для сопровождения и охраны, ежели кто в этом нуждается. Заметь, совершенно бесплатно для путников. Ну а вам охрана была не нужна, у вас своих самураев предостаточно, чтобы отбиться, поэтому вам и не предлагали. Одиночные путники дожидаются на постоялых дворах при заставах, когда соберется много людей, чтобы идти вместе под охраной. Люди в соседних провинциях сейчас знают – с их деньгами по пути в Ицудо ничего не случится. А еще они знают, что на всех дорогах, ведущих в Ицудо, на расстоянии дневного перехода построены постоялые дворы. Те, кто раздумывает, идти или нет в Ицудо, про который так много говорят, вспоминают, что им не придется, как бывало, ночевать в лесу и дрожать при каждом шорохе, и сомнения, идти или не идти, отпадают сами собой. Конечно же, идти...

Артем поймал себя на том, что увлекся. И действительно, о том, что сделано за четыре месяца, можно было говорить долго. А еще дольше – о планах.

– Пойдем-ка спать, Хидейоши-сан, завтра все увидишь своими глазами, – сказал Артем. – Смотри, уже совсем ночь, уже в сон клонит...

Спать однако им этой ночью не пришлось...

Глава седьмая

ЧАС КРЫСЫ²¹

Ни Артема, ни других обитателей замка призраки по ночам не тревожили. Даже призрак собственноручно убитого Артемом даймё Нобунага, и тот не приходил с головой под мышкой к новому хозяину замка поквитаться или попросту попугать. То ли замок был какой-то неправильный, то ли в природе и нет их вовсе, этих призраков. Поэтому в условиях экологически чистого воздуха и в отсутствии уличных шумов спалось прекрасно. Бывало, конечно, не давали уснуть тревожные мысли, но навеяны они были делами отнюдь не призрачными, а насквозь людскими.

Спал Артем обычно в личных покоях, но иногда, в теплые бездождливые ночи, ночевал на башне, под открытым небом. Выносил туда циновки, прекрасно на них располагался, уже совершенно не нуждаясь в таких порожденных цивилизацией излишествах, как матрас и подушка. Под голову подкладывал деревянный, обитый мягкой материей валик – и никаких неудобств не чувствовал. Наоборот. Под звездным небом далекой древней Японии спалось как-то по-особенному хорошо. Не было случая, чтобы он просыпался разбитым, несвежим или с головной болью, даже если накануне перестарался с саке.

И сегодня, в эту теплую ночь, он бы тоже отправился на башню. Но пришла Омицу. Пришла, хотя Артем ее и не звал. Впервые, кстати, она приходила без приглашения. Что тому причиной – голову ломать не пришлось. Приезд Ацухимэ – куда как весомая причина.

Первая фраза Омицу подтвердила Артемову догадку:

– Этой коряги здесь нет?

– «Коряга», ну ты и скажешь, – усмехнулся Артем. – Ничего общего, по-моему.

– Знаю, зачем она приехала, – проговорила Омицу, опускаясь на колени рядом с Артемом, который возле кадки с водой заканчивал вечерние процедуры – чистил зубы размочаленной на конце дубовой палочкой. – Долго выжидала, убьют тебя или не убьют. А теперь хочет породниться с самураем, которому уготовано великое будущее, надеется, что и ее потомки будут находиться под защитой и покровительством Белого Дракона.

– Да ну тебя, скажешь тоже! – Артем бросил зубную палочку в коробку из ивовых прутьев. – Тебе же прекрасно известно, что Ацухимэ не собирается ни с кем родниться. Вообще ни с кем, а уж тем более с самураем, чей род не насчитывает по меньшей мере девяти поколений выдающихся воинов и великих государственных мужей.

– Ты готов верить всему, что она говорит! И ты считаешь ее красивой!

Омицу отвернулась, обиженно поджав губы.

Несвойственные лесной девушке обидчивость и капризность стали проявляться на третьем месяце беременности. Теперь же шел четвертый. Живот под просторным юката²², на которое лесная девушка вынуждена была сменить привычный лесной наряд, пока еще был мало замечен, по крайней мере, для не столь внимательного к подобным мелочам мужского взгляда. Ну конечно, когда Омицу представала перед Артемом без юката (а это, к слову, случалось уже не столь часто, как раньше), тут решительно ничего нельзя было скрыть.

Артем постоянно спрашивал себя, ждет ли он с радостным нетерпением этого ребенка, своего первенца. И всегда честно себе признавался, что нет, не ждет. Даже наоборот, думал о предстоящем рождении с неудовольствием. Отчасти эти настроения проистекали из-за того, что Артем не чувствовал себя прочно. Если вдруг в Киото отчего-то решат, что Белый Дракон не нужен, его вышвырнут из замка в два счета. Он не мятежный Абэ ёритоки с сыновьями,

---

²¹ С 23 до часу ночи.

²² Юката – летнее кимоно.

которые девять лет держались против императорских войск, на его, Артема, стороне нет сейчас достаточно большого числа верных ему сторонников и сподвижников. Ну и покушения, конечно, одно из которых запросто может стать для него последним. Это только Фиделю Кастро фантастически везло – тот вроде как пережил более восьмидесяти покушений на себя. А случись что с ним, с Артемом, что станет с матерью и ребенком – бог весть. Может случиться что угодно. Особо некому будет их защитить.

Артем понимал, что это в нем говорят понятия и представления его прошлой исторической эпохи. Здешние люди клепают детей, вообще ни о чем не задумываясь. Что суждено, то и будет. Чем больше нарожаешь, тем больше выживет. Вот и вся их нехитрая философия. С исторической точки зрения весьма оправданная, надо сказать...

– Ты написал ей и просил ее приехать, да? – Омицу неожиданно резко повернулась, схватила Артема за руку, заглянула в глаза. – Скажи мне!

– Нет, – сказал он. Причем сказал чистую правду, которую, как известно, говорить всегда легко и приятно. – Не писал и не просил приехать.

– Поклянись, – потребовала Омицу.

И это он мог выполнить с легкостью необычайной.

– Клянусь здоровьем нашего будущего ребенка.

Омицу улыбнулась. Погладила Артема по руке:

– Иди ко мне.

Судя по ее враз помягчевшему голосу, она поверила ему безоговорочно. И успокоилась.

– Иди ко мне, мой господин даймё, – еще раз повторила она.

Впрочем, могла и не повторять. Артем, как и раньше, хотел ее. Она молодая и привлекательная. Он – молодой и полный сил. Что еще надо, чтобы молодые тела сплелись в единое целое, подчинились единому ритму? Вовсе необязательно, чтобы женщина рядом с тобой была именно та единственная, с которой ты не захочешь расставаться никогда.

И вовсе необязательно рассказывать той женщине, чьи стоны ты слышишь, которая шепчет тебе на ухо всякие приятные глупости, переходящие в невнятицу и вскрики, что ты думаешь сейчас не о ней. Да, собственно, Артем и не думал ни о чем и ни о ком специально. Просто фантазиям в такой момент не прикажешь, они сами приходят на ум, как им вздумается. И не было его вины в том, что воображение рисовало ему на месте лесной девушки девушку совсем другую...

В момент наивысшего наслаждения он, разумеется, не крикнул «Ацухимэ!», поскольку контролировал себя. Такое может произойти, как ему подумалось, лишь с героями мексиканских сериалов. (Впрочем, происходило это или нет с героями мексиканских сериалов, Артем тоже сказать не мог – не смотрел их в прежней жизни, а теперь уж и не посмотрит, видимо, никогда. О чем несколько, к слову говоря, не сожалел...)

«Слава Будде и всем вместе взятым богам синто, – подумал Артем, блаженно откинувшись на циновках, – что не приходится отвечать на идиотские женские вопросы: „Ты меня любишь? А сильно любишь?“». Даже невозможно представить, чтобы Омицу задала вдруг такой вопрос. Скорее в окно залетит всамделишный Белый Дракон...»

Услышав осторожное поскребывание в дверь, Артем приподнялся на локтях и первым делом прикинул, как далеко лежит его катана. Не слишком далеко. Одно мгновение уйдет на то, чтобы вскочить, одно мгновение – чтобы схватить меч...

– Я знаю, что вы там вдвоем, – раздался из-за двери знакомый голос. – Я могу войти?

«Так и поверишь, что мысли могут материализовываться», – подумал Артем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.